

Решальщики

Андрей Константинов

Перезагрузка

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Константинов А. Д.

Перезагрузка / А. Д. Константинов — «АСТ»,
2013 — (Решальщики)

Двое не прошедших аттестацию сотрудников питерской полиции Дмитрий Петрухин и Леонид Купцов вынужденно принимают предложение от бывшего криминального авторитета, а ныне весьма влиятельного бизнесмена, в частном порядке расследовать совершенное в его офисе убийство. Берясь за это дело, они еще не догадываются, что в скором времени их слаженный профессиональный тандем окажется востребован и в других запутанных делах – как криминального, так и приватно-деликатного свойства. Ведь Петрухин с Купцовым – не просто хорошие сыскари. Они еще и обладают редким талантом изящно и оригинально «решать вопросы». При этом им абсолютно не принципиально кто им противостоит: матерый преступник, роковая женщина или чиновник самого высокого ранга.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Константинов А. Д., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Вместо предисловия	6
Перезагрузка (кинороман)	7
Пролог	8
История первая,	16
Глава первая	16
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Константинов

Решальщики. Перезагрузка

© А. Константинов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Вместо предисловия

Двенадцать лет назад мы с Сашей Новиковым и Женей Вышенковым задумали и начали делать новый книжный проект – художественный цикл с общим названием «Служба частного сыска». Впрочем, Вышенкову эта тема довольно быстро поднадоела. Ну а мы с Новиковым, приложив недюжинные усилия, умудрились-таки в рамках задуманного довести до ума и выпустить в свет первые две небольшие книжки – «Умельцы» и «Травля Лисы». Не скажу, чтобы они пользовались у читателей суперуспехом, но, тем не менее, тиражи у книг были неплохие.

Однако потом сложилось так, что мы переключились на другие проекты и про героев «Службы частного сыска» порядком подзабыли. И по тем временам казалось – окончательно и бесповоротно.

Однако в конце прошлого года на меня неожиданно вышли представители московской кинокомпании «Пирамида» и предложили написать сценарий для телесериала на основе «Умельцев». При этом были выдвинуты два условия: осовременить героев, то есть переписать историю, переместив ее в нынешние реалии, ну и, соответственно, придумать продолжение. Слегка подивившись такому вот интересу к «архивным персонажам», мы с моим соавтором Игорем Шушариным ностальгически освежили в памяти перипетии старых историй и пришли к выводу, что поставленная киношниками задача в принципе нам по силам.

Как результат – на свет появился сценарий 16-серийного фильма, съемки которого начались в августе 2012 года. Очень хочется верить, что картина, в которой снимаются такие замечательные актеры, как Сергей Маковецкий, Дмитрий Марьянов, Дарья Михайлова и другие, получится достойной и найдет своего преданного зрителя.

Ну а пока идут съемки, мы переработали сценарный формат в книжный. Реанимировав тем самым былую задумку о создании художественного цикла. Представляя на суд читателей первую из четырех книг этой новой серии, которую мы назвали «РЕШАЛЬЩИКИ», особо подчеркиваем, что данный продукт – никакой не римейк, а своего рода апгрейд. Не попытка втюхать залежалый товар с переклеенной этикеткой, а скорее литературная аранжировка изначального сюжетного начала. То бишь новая вещь, с новым развитием, с новым продолжением, новым финалом и новым осмыслением наших героев/персонажей.

Очень хочется верить, что она вас не разочарует.

*Андрей Константинов,
сентябрь 2012*

Перезагрузка (кинороман)

Пролог

Черная полоса в жизни старшего оперуполномоченного ОУР Адмиралтейского РУВД Дмитрий Петрухина началась 4 марта 2011 года, в 18 часов 37 минут по московскому времени...

Пятница, самый конец предпраздничной рабочей недели. Наплевав на наступление календарной весны, в Питере шел мокрый снег, сквозь который, ворчливо поеживаясь, торопливо передвигались пешеходы. В сумерках бледно светили пятна фонарей, запорошенное пространство пытливо сканировали фары вынужденно сбросивших скорость машин.

Капитан Петрухин и старший лейтенант Луценко работали возле Мальцевского рынка. Именно так – просто «капитан» и еще проще «старлей». Ибо несколько дней назад формально они перестали являться сотрудниками милиции. Коя одним росчерком президентского пера тихо почил в бозе. Но и в чуждых расейскому уху «полицейских» Петрухин с Луценко пока не переаттестовались. Словом, уже не «товарищи», но еще не «господа».

Возле рынка они оказались до известной степени случайно. Но раз уж оказались – грех не пройти с бредешком: всякий рынок для опера представляет, простите за такую вот тавтологию, оперативный интерес. А уж Мальцевский тем более. Расположенный в центре города, он издавна являл собой эдакий криминальный омут. Теперь не столь, конечно, глубокий и мутный, как еще лет пять-семь назад, но – тем не менее.

– Ну что, Костя, – сказал Петрухин, зыркнув на часы, – времени у нас с тобой минут сорок есть... Еще чутка пошоркаем?

– Давай, – без особого энтузиазма согласился Луценко. – Только курнуть бы не помешало. Чисто для сугрева.

– Это можно.

Они нырнули под стекло остановочного павильона и, отфыркиваясь, замотали головами, стряхивая с волос снежные шапки. С наслаждением задымили... Было ли у Петрухина в этот момент какое-нибудь предчувствие?

Нет, не было у него никакого предчувствия. Он вышел на охоту. Он любил эту уличную полицейскую охоту, где многое построено на удаче, на воле случая. Где всегда есть реальный шанс задержать преступника... Но есть и шанс получить удар ножом или порцию картели. Или покататься на капоте автомобиля. Кататься на капоте Петрухину доводилось трижды. Весьма увлекательный и эмоциональный аттракцион, оставляет массу впечатлений... «Пошоркаем, Костя?» – спросил он, и Луценко согласился: давай. Сказал и потер лоб над правым глазом. Именно сюда через несколько минут ударит пуля...

– ...Блин, ну и погодка! – пробурчал Петрухин. После чего невольно скосил глаза на заправленный в боковую стенку павильона праздничный постер и, не удержавшись, хмыкнул: – «С душистой веточкой сирени / Весна приходит в каждый дом, / От всей души вас поздравляем / С Международным женским днём!»... Идиоты! Щас сыскать бы где эту «веточку душистую» да автору в задницу засунуть!

– Вот-вот! В этом году абхазы к празднику даже мимозы не завезли. Говорят, и у них там померзло все напрочь. Борисыч! – Луценко глянул на напарника с плохо скрываемой надеждой. – А может, ну его на фиг, а? В такую погоду наш клиент дома сидит, водяру глушит и телевизор смотрит. Только чужие шастают...

– А нам с тобой, в свете предстоящей переаттестации, и «чужой» бы не помешал.

– Ты мне эти упаднические настроения брось! Кого еще призывать в краснознаменную полицию, как не таких бравых молодцев, как мы с тобой?.. Не журысь, Дима! Скоро станем мы крутыми копами. Я уже и фразу заветную выучил: «You have a right to one phone call».

– Чего-чего?!

– У вас есть право на один телефонный звонок, – улыбаясь, перевел Луценко.

– А-а! – дошло до Петрухина. – Будь другом, спиши слова... Стоп!!!

Метрах в тридцати от павильона остановился изрядно заляпанный «фордик» с плафонов «такси» на крыше. Распахнулась правая передняя дверца, и из машины вылез... Толик Родина.

Петрухин резко отвернулся – Родина знал его в лицо. Но тот, ни на кого не обращая внимания, шустро побежал через улицу к рынку... Родина был вор, и его появление на рынке едва ли было случайным.

– Ты чего? – Луценко среагировал на телодвижение коллеги.

– Это – Толик Родина.

– Хочешь сказать: наш человек?

– «Наш» – не то слово! Костыль, сходи-ка, зыркни в салон. Только не вспугни раньше времени.

Луценко вынырнул из их временного укрытия, подошел к «форду» поближе, слегка согнулся и сделал вид, что прикуривает. На заднем сиденье сидел мужчина. Рядом с ним лежала наволочка, из которой торчал рукав шикарной норковой шубы и дорогой кожаный чемодан... Короче, все ясно. Они самые – «подарки на Восьмое марта».

Родина тем временем перешел улицу и скрылся в дверях рынка.

Костя прикурил, обернулся к Петрухину и кивнул. Получив сей немудреный сигнал, Дмитрий переложил пистолет в карман куртки и двинул к «форду», закладывая галс со стороны водительской дверцы. Остановившись, он вежливо постучался в окошко, и водила недовольно приотпустил стекло:

– Уголовный розыск, мастер... не вздумай дернуться.

Водитель – немолодой уже, опытный питерский таксёр – все понял, кивнул головой.

И мужик на заднем сиденье тоже все понял. Как только Петрухин распахнул дверь, он попытался ломануться из салона. Петрухин резко толкнул дверь ему навстречу – в лицо:

– Сиди, мутила. Ты уже приехал.

Луценко нырнул в салон с другой стороны, поймал руку мужика, защелкнул в наручник, прикрепил к двери.

– Куда пошел Родина? – спросил Петрухин, наклоняясь к задержанному.

– А я Родиной не торгую, – ответил вор, хлюпая разбитым носом...

Это он зря сказал. Луценко быстро и сноровисто обшарил задержанного, вытащил из кармана куртки нож-выкидуху и ключ, которыми пользуются проводники на железной дороге. Все как и положено, без неожиданностей. Еще раз напомнив водителю, чтобы не сделал глупость, опера двинулись к дверям рынка.

Навстречу им из двери вышел Родина, увидел Петрухина и сразу просек ситуацию. Воры – они ребята вообще по жизни быстрые, смекалистые. Им без этого никак. Даже ходят воры особым манером: шустро и вприглядку. И чем-то похожи на сыщиков. Или наоборот – сыщики на воров...

Петрухин подмигнул Толику и поманил его пальцем.

– Борисыч, – преувеличенно-радостно произнес Родина, сделал шаг навстречу и даже как бы протянул вперед руки... И резко метнулся в сторону, направо. Оттолкнул старичка с рюкзаком, сбежал по ступенькам. Началась обычная ментовская игра – догонялки. Тут уж – кто быстрее и кому сегодня фарт.

Расталкивая прохожих, разбрызгивая жидкое месиво на асфальте, три мужика бежали по улице Некрасова в сторону Литейного проспекта... Толик Родина был наркоман, имел за спиной три отсидки. Петрухин был уверен, что догонит. Еще он знал, что Толик дерзок и всегда оказывает сопротивление. На бегу Петрухин выхватил ПМ. Опустил предохрани-

тель... патрон в нарушение инструкции был уже в патроннике. Уличная практика силовых задержаний диктует оперу свои правила и – к черту все инструкции.

Толика он нагнал напротив магазина «Солдат удачи», подсек. Родина еще летел на асфальт, а Петрухин, перескакивая через него, подумал, что сегодня фарт на его, петрухинской, стороне. Что это он сегодня – солдат удачи... Он перепрыгнул через тело Толика, сделал по инерции еще несколько шагов, развернулся. Уже подоспел Костя и навалился на Родину сверху...

И тогда Петрухин увидел нож в руке вора. Он выкрикнул что-то матерное, неуставное. Обрушился на Толика и впечатал рукоятку «макарова» в плечо руки, сжимающей нож. Грохнул выстрел...

...Девятимиллиметровый пистолет конструкции Макарова был принят на вооружение в 1951 году, за шесть десятилетий до выстрела на улице Некрасова. ПМ нельзя назвать оружейным шедевром, однако высочайшую надежность пистолета и безопасность в обращении подчеркивают все специалисты-оружейники. Эти же специалисты не очень весело шутят: «Выходить с „макаркой“ на дуэль – дело бесперспективное, но застрелиться надежнее пушки нет». На близких дистанциях действие полусферической девятимиллиметровой пули ужасно...

...Грохнул выстрел. Пистолет дернулся, как живой. Дернулась голова старшего лейтенанта Константина Луценко, брызнула кровь.

* * *

По неподдающемуся анализу стечению обстоятельств черная полоса в жизни старшего следователя СУ при УМВД России по Кировскому району Санкт-Петербурга Леонида Купцова начала разматываться в тот же день, что и у оперативника Петрухина. Разве что с небольшим, приблизительно двухчасовым, опозданием.

Материализовалась она (полоса) на лестничной площадке четвертого этажа, строго напротив массивной металлической двери, обшитой натуральным деревом. Цветы на межлестничных пролетах, идеально чистые стены, равно как и сама дверь, красноречиво свидетельствовали о том, что люди, здесь проживающие, – непростые.

– ...Виктория Ивановна! Ну перестаньте ребячиться! Вы же прекрасно понимаете, что мы из тех гостей, что лучше татарина! Мы ведь все едино зайдем! Не мытьем, так хаханьем!

Ответом была тишина.

– Вот ведь тварь! – беззлобно констатировал Купцов, убирая почти затекший палец с кнопки звонка. – Не пускает Фемида, мать ее, Ивановна. Похоже, обидульки кинула.

– В прокуратуру она названивает. К гадалке не ходи, – угрюмо сказал Сергунька.

– Леонид Николаевич, может, свалим от греха, а? – заблажил Супонев. – Пока не поздно. Пятой точкой чую – проблемы будут.

– Экое у тебя, Сеня, седалище чуйствительное. И с чего бы это?

– Нормальное у меня... хм... жопа. Просто стрёмно немножко. Все ж таки судья.

– И чего? Но есть и Божий суд, наперсники разврата!.. И вообще: как учит нас УПК, следователь есть самостоятельная процессуальная фигура с достаточно широкими полномочиями. А посему... Коваленко!

– Я! – гаркнул один из двух томившихся здесь же, на лестничной площадке, «штурмовиков».

Экипированные по полной бойцы из группы захвата Коваленко и Лядов были похожи как близнецы-братья. Так что Леонид различал их сугубо по профессиональному гаджету: один был с кувалдой в ручищах, а другой – без оной.

– Давай-ка, лауреат конкурса судебных исполнителей, продемонстрируй всю широту моих полномочий!

– Не вопрос... Мужики, а ну расступись! Не стой под стрелой!

Служивый народ послушно рассредоточился по лестничным маршам, и Коваленко, играючи взмахнув тяжелой кувалдой, с отяжечкой саданул по дверным замкам. Раз, другой, третий... Затем придирчиво осмотрел результаты своего «слесарного труда», отложил кувалду, резко, с ноги, выбил дверь и расплылся в широкой детской улыбке:

– Заходите к нам на огонек!

Теперь настала пора отработать свой хлеб бойцу Лядову, и тот, с дурными тарзаньими криками, первым вкатился во вскрытую квартиру. Следом за ним степенно прошествовали Купцов и Сергунька. Вынужденно замкнул шествие Супонев – судя по выражению лица, переступить порог именно этой квартиры ему категорически не хотелось... Ну а сделавший свое дело мавр Коваленко потянулся за сигаретами, резонно рассудив, что какое-то время там, «внутри», вполне могут обойтись и без его услуг...

...Хозяйкой квартиры, в которую столь бесцеремонным образом напросились гости, была (на минуточку!) судья Адмиралтейского районного суда Виктория Ивановна Устьянцева. В данный момент она стояла посреди роскошно обставленной гостиной, надменно скрестив руки на пышной груди. То была молодящаяся, породистая брюнетка лет тридцати пяти (плюс-минус макияж). Из предметов одежды на жрице Фемиды наличествовали роскошный атласный халат, диссонирующие с домашним обликом туфли-шпильки и многочисленные, отнюдь не бижутерные, цацки на перстах и вые. Приглушенный свет ночника и наглухо задернутые тяжелые портьеры придавали комнате интригующе-загадочный будуарный вид. Беглого взгляда хватало, чтобы понять – хозяйка не бедствовала. Уж не знаем: какие там нынче зарплаты у судебных работников, насколько они коррумпированы или, напротив, честны аки агнцы, ясно одно – судья Устьянцева жила в полном соответствии со словом Божиим. И слово это было – «ХОРОШО»!

...Виктория Ивановна молча сверлила глазами стоящих перед нею Купцова и Сергуньку. Последний, не выдержав «горгоньего» взгляда, сначала смущенно отвел глаза, а затем, не выдержав, и вовсе ретировался из гостиной. Якобы на помощь к своим. Леонид же в служивой своей профессии был калачом тертым и в специальном зеркальном щите, по подобию Персеевого, давно не нуждался.

– Послушайте, Купцов! Вы отдаете себе отчет в том, что ваши действия целиком и полностью подпадают под 31-ю главу УК?

– А вот «преступления супротив правосудия», уважаемая Виктория Ивановна, мне шить не нужно, – покачал головой следак. – Максимум посягательство на Федеральный закон «О статусе судей». К слову, безответственный, на мой дилетантский взгляд, закон.

– Дилетантский – это еще мягко сказано, – фыркнула Устьянцева.

– Во-во. Мне на днях опер знакомый жаловался: «Прикинь, я его колю – а он мягкий!»

На пороге гостиной возник раздосадованный Сергунька:

– Леонид Николаевич! Всё чисто!

– А может, под диваном пошукать? – высунулся из-за его спины Коваленко.

Виктория Ивановна отреагировала на это предложение с гримасой презрения:

– Сделайте такое одолжение. Заодно и пыль протрете. А еще советую проверить тумбочку под телевизором... Развлекайтесь напоследок.

– А почему напоследок? – не догнал мастер кувалды.

– А потому, что для всех для вас сегодняшний день службы – последний.

– Ну, может, оно и так... А может – и эдак, – вслух задумался Купцов.

Демонстративно не снимая грязных кроссовок, он ступил на мягкий ковер и, утопая в пушистом ворсе, подошел к необычного, заморского дизайна стенке-горке. Здесь, за матовым черным стеклом наметанный глаз Купцова профессионально выцепил тарелки с колбасной нарезкой и бутербродами с икрой. Один из бутербродов был надкушен. Поскольку такого рода предметы следовало хранить уж всяко не в гостиной, логично было предположить, что тарелки убраны сюда впопыхах, спрятаны от глаз непрошенных визитеров. Подтверждением тому являлись стоящие здесь же початая бутылка вина и два наполненных бокала.

Все правильно, все так и должно быть. Мышка-наружка клятвенно заверяла и божилась, что объект купил вино и проследовал именно в этот адрес. Вот только – где же сам объект? Неужто сиганул через окно, пока они волохались с дверью? Четвертый этаж. Хм... Ну теоретически оно, конечно, возможно...

Купцов решительно подошел к окну и рванул вбок тяжелую портьеру. За спиной отчаянно охнула судья, а за портьерой, словно в сказке про Буратино, нарисовалась балконная дверь.

«Идиот! Еще на подходе к дому, сразу мог бы сообразить, что балконы в доме располагаются именно на четных этажах».

Леонид повернул ручку, распахнул дверь, запуская в комнату снежно-пыльную морось, высунулся наружу и зычно скомандовал:

– Гражданин Городницкий! На выход с вещами!.. Давай-давай, Лёша, ходь сюды – погреешься! А то уже синий совсем!

Через несколько секунд в гостиную обреченно вошел обильно запорошенный снежком молодой, крепкий парень в тренировочном костюме. «Спортсмен» явно находился в состоянии легкого ступора, а потому даже и помыслить не мог о каком-либо сопротивлении. Да и какой смысл? От бойца с кувалдой далеко не уйдешь.

– Сергунька! Засылай Супонева за понятиями! – скомандовал довольный следак. Оперативник выскочил из комнаты, судья и Городецкий обменялись быстрыми тревожными взглядами, а Купцов с лукавым прищуром невинно поинтересовался: – Виктория Ивановна, у вас дети есть?

– Нет, – автоматически отозвалась Устьянцева и тут же спохватилась: – Это вы к чему?

– Да просто анекдот вспомнился. Не слышали? «Ваша честь, у вас совесть есть?» – «Совести нет, дети есть»... Но это, похоже, случай не про вас. Хотя... Может, вы собирались усыновить гражданина Городницкого?

Слегка оправившаяся от первоначального шока Виктория Ивановна купцовский сарказм по достоинству оценила: болезненно заглотив намек на разницу в возрасте, она наградила следака очередным испепеляющим взглядом:

– У вас будут очень большие неприятности, Леонид Николаевич.

– Возможно. Вот только надеюсь, они окажутся несопоставимы с вашими, Виктория Ивановна.

В этот момент у Купцова подал голос мобильный, и он, с огромным неудовольствием, но вынужденно ответил. На очен-но некстатишный звонок:

– Да... Я, слушаю... Кто?... Здравия желаю, Сергей Степанович. Одну минутку, я перейду в другое помещение – здесь прием плохой...

Купцов дал отмашку бойцу Коваленко, дабы тот присматривал за сладкой парочкой, и торопливо вышел – сначала в прихожую, а затем на лестничную площадку.

Подальше от ненужных ушей:

– ...Где нахожусь? В квартире судьи Устьянцевой. Что значит на каком основании? Мероприятие проводится в рамках розыскного дела в отношении гражданина Городницкого, подозреваемого в совершении убийства и находящегося в федеральном розыске...

Что? Кем санкционировано? Персонально мною и санкционировано... Ку-уда мне засунуть свою санкцию?.. Извините, а обнаруженного в неприкосновенном судебском жилище Городницкого куда прикажете девать?.. Туда же?! Ну знаете! У меня за годы службы это место, конечно, неплохо разработано, но ведь не настолько!.. Что? Ну что вы, Сергей Степанович, я не дерзю... э-э... не держу... тьфу черт... – Разговор приобретал уже абсолютно неконструктивный оборот. А потому Купцов решил для себя, что настала пора «включить дурака»: – Алло, Сергей Степанович!.. Говорите громче! Здесь очень плохой прием!.. Вас не слышно! Алло!..

Купцов сбросил звонок и разродился вычурно-витееватой бранью. Невольно напугав его поднимавшихся в этот момент по лестнице двух понятых, конвоируемых Супоневым.

– Леонид Николаевич, понятые! Начинаем работать? Или... или как?

Какое-то время Купцов голоса не подавал, переваривая загруженные в мозг визгливые прокурорские вводные, а затем обреченно махнул рукой и шумно выдохнул:

– Безо всяких «каков»! Работаем! И пусть весь мир подождет...

* * *

Черная полоса в жизни старшей медицинской сестры кардиологического отделения Мариинской городской больницы Наташи Климовой началась не сегодня. И не вчера. Началась, как водится, со слез. Кой, впрочем, к настоящему времени она давно успела выплакать. Выплакать за те вечера, когда, сидя в пустой квартире, на старом кухонном диванчике, долгими ночами ожидала своего мужчину. Хотя... ожидала только в самом начале. Год, может два. Потом привыкла... Или стала равнодушной? А сначала – да, ждала, ждала любого: усталого, озлобленного, пьяного... А потом и сама устала и в шутку стала называть своего мужчину жильцом. Но в шутке была только доля шутки. Ах ты господи! Как же она устала!

Ну да, вот именно сейчас, в эту самую минуту, имелись все шансы к тому, чтобы раз и навсегда кардинально изменить ситуацию. О чем свидетельствовал этот ее телефонный разговор. За которым, собственно, мы Наталью и застали... Ах да! Заболтавшись, забыли уточнить: «того самого мужчину», которого Климова сначала терпеливо, со слезами ждала, а потом – перестала, звали Дмитрий Петрухин...

– ...Сережа, но ведь мы с тобой уже обо всем договорились?! Сегодня я обязательно всё ему скажу... Да. И расставляю все точки над «и»... Что-что?.. Хорошо, пусть будет над «ё». Любой каприз... Нет. Его еще нет. И трубка отключена. В общем, как обычно... Сережа, ну потерпи еще совсем маленькую капельку... Я тоже очень-очень этого хочу... И не только этого!.. Ой! – Наташа, вздрогнув, прислушалась. – Кажется, он вернулся. Я тебе перезвоню!.. И не вздумайте уснуть, милорд!..

...Петрухин вернулся домой около полуночи. Ничего исключительного в этом не было – такая работа. Удивительным было то, что Наталья, судя по бубнежу приглушенно работающего на кухне телевизора, еще не легла, ждала его. Странно! Те времена, когда она обязательно его дожидалась, давно прошли...

Дмитрий вошел в прихожую, не раздеваясь, сел на стул. Домой он приехал прямо из больницы. Три часа из четырех, что шла операция, Петрухин писал бумаги. О случившемся ЧП, а ранение сотрудника – возможно смертельное – серьезное ЧП, мгновенно стало известно на всех уровнях. В РУВД один за другим прибывали начальники. И свои, районные, и городские. Первым приехал Паша – начальник, майор Лишенок Павел Григорьевич. Потом посыпались полковники с Суворовского и прокурорские.

По отношению к Петрухину все держались корректно, но строго... Только Паша незаметно пожал руку выше локтя и сказал: «Держись, Димка, держись. Прорвемся!»

Ему было все равно, что думают и говорят о нем сейчас полковники и прокурорский следак. Он – неверующий – беззвучно молил Бога, чтобы помог Костику. Он вспоминал, как Костя зачем-то потер лоб над глазом... потом в это место попала пуля. Он помнил чей-то крик и свой собственный мат и голос: «Скорую! Скорую вызывайте». Он помнил странный манекен в ярко освещенной витрине «Солдата удачи» через дорогу за пеленой хлопьев летящего снега... Вот так, солдат удачи. «Ну что, Костя, времени минут сорок есть... пошоркаем?» – «Давай...» Пошоркали. Он наконец отписался, отоврался и поехал в больницу...

Уронив повинную голову в колени (сказано пусть и коряво, но по сути верно), Дмитрий отрешенно сидел в коридоре до тех пор, пока из операционной не вышел усталый, вымотанный по самое не могу врач в салатного цвета курточке и штанах, с сигаретой. Он понимающе посмотрел на Петрухина и сел рядом на кожаный диванчик с выпирающими пружинами.

– Пуля ударила по касательной. Что, само по себе, уже хорошо... Но... все-таки проломила лобную кость...

– А это... само по себе... уже плохо?

– Это хуже, – мрачно согласился хирург. – Но, в любом случае, жизнь вне опасности. Об остальном сейчас говорить преждевременно.

– А... когда?

– Поезжайте-ка вы домой, Дмитрий Борисыч... Поезжайте, хлопните сто грамм, поспите... А к утру, надеюсь, картина станет ясней. Договорились?

– Да... – Петрухин тяжело поднялся, подхватил успевшую высохнуть куртку. – Спасибо... Извините, у вас случайно сигаретки не сыщется?

– Держите.

– Еще раз спасибо. Я завтра... Вернее, уже фактически сегодня, верну...

...В прихожей Дмитрий, не раздеваясь, опустился на стул. Почти сразу из комнаты вышла Наталья. Остановилась в дверях, прислонилась к косяку:

– Привет.

– Привет. Ты чего не спишь?

– Устал? – проигнорировала вопрос Наталья, и ее мужчина неопределенно пожал плечами. – Ужинать будешь?

– У нас есть водка, Наташа?

В ответ та страдальчески и слегка картинно закатила глаза:

– Что?! Господи! Водка... Опять начинается!

– Ничего не начинается... Мне врач посоветовал, – глухо ухнул Дмитрий и прошел на кухню.

Здесь он включил висящий над диванчиком ночничок, рванул на себя ручку холодильника, достал бутылку.

– Что ты несешь?! Какой врач?! – раздраженно выкатилась Наталья.

– Хороший врач... По крайней мере очень хочется верить, что хороший...

Петрухин рывком стянул с себя свитер и увидел свое отражение на зеркальной стенке кухонной дверцы, акцентируясь на ремнях оперативной сбруи с кобурой под мышкой слева... с пустой кобурой. Всё правильно! Его табельный ПМ перекочевал в сейф прокурорского следака...

Дмитрий сдернул сбрую и зашвырнул ее под диван. С жадным остервенением схватился за бутылку, однако Наталья решительно перехватила его руку:

– Дима, нам нужно серьезно поговорить!

– Давай лучше завтра.

– Ты даже не хочешь спросить, о чем разговор?

– Нет... Я... я сегодня чуть не убил человека, Наташа.
Она сделала шаг вперед, округлила глаза:
– Как?! Кого?!
– Костыля... Костю Лущенко.
– Господи, Димка!.. Это такой рыженький, улыбчивый оперок, да?! О, господи! И что теперь с тобой будет?
– Со мной? – отрешенно переспросил Петрухин, отвинчивая пробку. – Со мной – ничего-го... А вот с Костылем...

...Петрухин выпил немного, но опьянел быстро и тяжело. Так, как будто махом выпил бутылку водки из горла. Алкогольное отупение навалилось сразу, минуя фазу приятной расслабленности и подъема. Возможно, это была защитная реакция организма...

Он добрался до дивана, кое-как снял джинсы и сорочку. Рухнул и почти мгновенно уснул. Наталья некоторое время сидела за кухонным столом, подперев щеку ладонью, грустно смотрела на своего спящего мужчину.

Мужчина храпел.

Через какое-то время она поднялась и вышла с кухни, плотно прикрыв дверь.

В комнате Наташа села у окна, набрала номер:

– Привет еще раз... Не разбудила?.. Извини, так уж вышло, но я не смогла ему сегодня сказать... Нет, не боюсь... Нет, Сережа, нет, я ничего уже не боюсь. Но, понимаешь, у него неприятности. Очень большие неприятности. О, господи! Что я говорю? У него БЕДА. И я решила, что сегодня не время. Я не имею права... Подожди. Подожди, дай я все тебе объясню... Я понимаю, что тебя не должны волновать его проблемы, но... Нет, я не передумала. Нет. Конечно, нет... Как ты можешь, Сережа? Я ведь люблю тебя, и ты сам это знаешь. Давай подождем с этим разговором несколько дней. Зачем добивать его напоследок?.. Ну вот и хорошо... Хорошо... До завтра... я тебя тоже...

* * *

За окном продолжал сыпать мерзкий мартовский снег.

Три черные полосы продолжали разматываться.

Пока еще независимо друг от друга.

Но это только ПОКА.

История первая,

повествующая о том, что благими милицейскими намерениями путь на гражданку вымощен; что бывшие враги порой познаются не только в бедах своих; а также о возмнившем Лёше Нокауте и урезонившем его парне с характером

Глава первая

4 мая 2011 года, ср

Утро началось с отвращения к себе, к человечеству и к водке. Петрухин проснулся на кухонном диванчике, куда, похоже, переехал окончательно и бесповоротно. Он с трудом разлепил веки, принял полусидячее положение и спустил босые ноги на пол. Сразу накатила боль. А за окном слепило майское солнце, и воробьи на ветвях уже зеленой березы сходили с ума от тепла и весны. Петрухин снова рухнул лицом в подушку. Солнечный мир спрятался, исчез, а боль осталась.

«Надо тормозить! Кровь из носа, а надо тормозить, пока не отвезли в Скворечник или на Пряжку...» С подобными мыслями Петрухин просыпался уже третью неделю. Помнится, крутили в советские времена песню со словами: «Утро! Утро начинается с рассвета...» Так вот у бывшего старшего оперуполномоченного Дмитрия Петрухина каждое утро теперь начиналось с похмелья...

...В статус «бывшего» Петрухин переквалифицировался месяц назад. Как сотрудник, не прошедший аттестацию, а следовательно – недостойный высокого и ко многому обязывающего звания «российский полицейский». Подобный финал был предсказуем. Даже невзирая на то, что тянувшиеся весь март прокурорское и служебное расследования по инциденту со стрельбой на Некрасова в конечном итоге пришли к выводу, что действия Петрухина в реально сложившейся обстановке были обоснованными, законными, а ранение старшего лейтенанта Лущенко следует квалифицировать как несчастный случай. Никто, собственно говоря, в подобных результатах и не сомневался. Да и прецеденты уже были. В Питере произошло два аналогичных случая, и, кстати сказать, они имели еще более тяжелые последствия – трупы.

Петрухин о них, естественно, знал и оба раза, так же как и все, сочувствовал и покойнику, и неудачнику-стрелку. Как и все, легко произносил избитые слова: раз в году и палка стреляет... Или: знать бы где упадешь – соломки бы подстелил... Или: ну судьба такая... Реакция, казалось бы, вялая и бездушная, но на самом деле любой опер, работающий на земле, понимает, что сам запросто может оказаться в такой ситуации. Зачастую они возникают неожиданно, развиваются стремительно, и времени на принятие решения попросту нет. Работа опера на земле по-настоящему опасна. Он не может постоянно таскать за собой взвод ОМОНа, он не может даже носить бронежилет. Он работает в гуще людей и событий: на толкучках, вокзалах, рынках, он входит в притоны... довольно часто – в одиночку. Довольно часто при рядовой проверке документов из кармана проверяемого вдруг появляется нож, или самодельная малокалиберная пукалка, или граната... или еще что-то подобное. А спроси потом у задержанного: ты чего, дурак, за нож (топор, дубинку, ствол) хватался? – он сам объяснить не может толком. Пожимает плечами: так, мол, с испугу... А бывает, что не с испугу, а потому, что терять нечего. Или, напротив, есть чего. Бывают просто ожесточенные люди с изломанной психикой... Их, кстати, гораздо больше, чем можно себе представить. Еще бывают неадекватно воспринимающие реальность алкоголики и наркоманы. Бывают

подростки, насмотревшиеся боевиков и считающие себя крутыми... Да много чего бывает. И опер отлично отдает себе отчет в том, сколько реально стоит его жизнь...

Косте Луценко помогли чем смогли. И МВД, и ГУВД подкинули некие суммы, и два фонда каких-то тоже подкинули некие суммы... Мелочь. Спустя неделю Петрухин со Штирлицем задержали сына одного питерского олигарха с кокаином на кармане. Сынок, кстати, постоянно проживал в Англии, в захолустном городишке Кембридж, где и получал образование. Сначала сынок предложил ментам деньги. Его выслушали с большим интересом, но деньги не взяли. А спросили: что он изучает в славном Кембриджском университете? «Экономику». – «Жаль. Если бы вы, Генрих Виленович, изучали право, то вы, вероятно, знали бы, что не только в цивилизованной Англии, но и в дремучей России ваше предложение, подкрепленной демонстрацией фунтов, квалифицируется как попытка дачи взятки должностному лицу. Будем составлять протокольчик?..» Сынок олигарха сник, потом заявил, что хочет позвонить адвокату. Через час в опорном пункте милиции появился папа-олигарх в сопровождении адвоката. Еще через сорок минут все трое покинули милицию, а на другой день банк, руководимый папой, совершил благородный поступок: перечислил на счет инвалида МВД Луценко К. А. десять тысяч долларов. Сынок благополучно убыл в Англию...

...А на следующее утро Петрухин пришел в родную контору, где ему, немного смущаясь, объявили, что настала пора паковать служебные чемоданы. По собственному, разумеется, желанию. Мол, извини, браток, но никто не обещал, что в светлое будущее возьмут всех. Петрухин не роптал и камня обиды за пазухой не держал. В глубине души он прекрасно понимал, что в данном случае они в общем-то были правы...

Минут через двадцать после пробуждения и первой неудачной попытки подняться Петрухин совершил над собой героическое усилие и проковылял в комнату. Безо всякой надежды застать там Наталью, которая уже час-полтора как должна была трудиться на ниве сбережения людских кардиомоторов. На обеденном, он же рабочий, столе белел листок бумаги с лаконичной размашистой записью: «Проспишься – позвони!» Петрухин осмотрелся в поисках мобильного, нашел его далеко не сразу, но все-таки нашел. Вот только ровный, без эмоций женский голос тут же поведал о том, что сумма на его счете недостаточна для ведения разговоров любой степени важности и срочности. Доступным сейчас оставался только бесплатный вызов по номеру «112». Ну да при всех текущих бедах и невзгодах Петрухина с этим вызовом все ж таки можно было пока повременить...

Чертыхнувшись, Дмитрий вернулся на кухню, подобрал с пола давеча сброшенные, отчего-то перекрученные узлом джинсы и пошарился в карманах, изучая смятую наличность. «Нужно тормозить!» – подумал он и сунулся – сначала в холодильник, а затем в импровизированный барчик: не осталось ли чего? Чуда не произошло – ничего не осталось. «Надо, обязательно надо тормозить!» – размышлял он, одеваясь, чтобы выдвинуться к ближайшему терминалу оплаты и за опохмелкой. В зеркало при этом старался не глядеть – стыдно...

* * *

...Петрухин вышел из дому. Утро было солнечным, ясным. Повсюду мельтешили-суетились встречные-поперечные люди, проносились мимо резвые табуны машин. А вот Петрухину спешить было некуда. То есть – абсолютно. В ближайшем павильончике он скормил терминалу жеваную сотенную бумажку, выяснил у продавщицы, что деньги на счет капнут минут через двадцать, после чего купил бутылку пива и, вернувшись на воздух, присел на борт чудовищной бетонной клумбы-чаши. Ни цветов, ни земли в ней не было – только вода,

в которой плавали разбухшие трупы окурков. Из-за окурков вода приобрела цвет чифиря. А может быть – торфяного болота.

Дмитрий сидел на краю болота и пил пиво из горлышка. На него косились, но ему было наплевать. На пыльном асфальте гуляли жирные голуби. После нескольких затяжных плотков в голове несколько прояснилось, Петрухин закурил и сплюнул в болото...

Мерзко взвизгнули тормоза, и метрах в двадцати от экс-оперативника, аккуратно под знаком «Остановка запрещена», к поребрику эффектно прижался мамонтоподобный пепельного цвета «хаммер». Невольно заинтересовавшись, Петрухин стал наблюдать за тем, как с переднего сиденья выбирается молодой, здоровый, в расстегнутом кожаном пиджаке – охранник. Охранник почтительно распахнул заднюю дверцу, и через пару секунд из толстого брюха гламурного армейского вездехода, аки Иона из чрева кита, нарисовался... Брюнет собственной персоной. И мало того, что нарисовался, так еще и направил свои стопы в итальянской коже аккуратно в сторону Петрухина. Предварительно дав отмашку охраннику, дабы тот, недобро прищурившийся на пивную бутылку в руках Дмитрия, оставался на месте.

Последний раз Петрухин имел счастье лицезреть Брюнета (в миру – Голубкова Виктора Альбертовича) в ресторации «Аустерия» году эдак в 2004-м. Тогда Брюнет был при бабочке и сидел метрах в трех от Кумарина. К слову сказать, где теперь тот Кумарин? Давно – тю-тю! – в узилище, а Брюнет – вот он. Слегка располнел, но все равно глядит орлом и хозяином жизни. Что же, интересно, нужно хозяину жизни от мента? А если точнее: от бывшего мента в состоянии запоя...

– Борисыч?! – произнес Брюнет с изрядным удивлением в голосе.

Ничего мудреного – Петрухин тоже когда себя с утра в зеркале увидел... ну, в общем, понятно...

– Борисыч! – повторил Брюнет, протягивая руку. Он уже справился с удивлением и теперь дружелюбно улыбался... Нет, все-таки хорошо ему зубы сделали. Дмитрий хорошо помнил, что у него с зубками стряслось все тем же летом две тыщи четвертого, когда Витюшу брали на выходе из той самой «Аустерии». Но вот – руку тянет, зла не помнит.

– Здорово, Брюнет. – Петрухин переложил бутылку в левую руку и подал правую. – Хорошо выглядишь.

– Мерси... А вот ты, Борисыч, не того... не особо.

– Болею я, Брюнет. А так-то я белый и пушистый. Ты же знаешь.

– Знаю... Слу-ушай! А ведь я как раз, веришь – нет, собирался тебя сыскать?! Вот уж воистину: на ловца и зверь!

– Эвона как... Раньше, помнится, я тебя ловил да сыскивал. А теперь, выходит, ролями поменялись?

– Да ладно тебе, Борисыч... Кто старое помянет... – Брюнет беспокойно оглянулся по сторонам, ощущая неудобство – и от того, что стоит неуютно-далеко от охранника, и от того, что Петрухин сидит, а ему приходится над ним нависать. – Может, сядем ко мне в машину? Перетрём?

– А у тебя салон кожаный?

– Салон? Кожаный салон... а что?

– Да ничего. Просто у меня на кожу аллергия. Так что давай лучше воздухом подышим. Брюнет понял, рассмеялся. Он вообще по жизни был с юмором мужик...

А на них меж тем уже оглядывались. Совершенно очевидно, что вместе эти двое составляли довольно странную пару. Брюнет был в дорожном длинном расстегнутом плаще, из-под плаща – хороший костюм, белоснежная сорочка с галстуком. И прочий антураж: «хаммер», охранник – вполне соответствует. А рядом с ним Петрухин в потертой

куртке, джинсах и стоптанных башмаках. И прочий антураж: пиво, щетина, опухшая «морда лица»...

– Лады. Давай подышим, – хмыкнул Брюнет и спокойно присел рядышком. В светлом плаще на грязный остов клумбы. Сел и начал заходить издалека: – Борисыч: ты знаешь, с каким уважением я к тебе отношусь...

– Бендер! Вы знаете, как я вас уважаю!..

– Да нет, в самом деле! Я – жулик, ты – мент... Но ты – порядочный человек. Подлянок никогда и никому не делал, по справедливости поступал...

– Брюнет, давай без любовных прелюдий, а? Ближе к делу. Чего ты от меня хочешь?

– Помощи. Прошу... – интонационно посерьезнел Голубков. – Тут одна запутка неприятная нарисовалась. Короче, брал билет в шлаф-вагон, а попал в общий. Да еще для некурящих... Если бы ты знал, Дима, в какое дерьмо я влетел!

– Бывает... – равнодушно пожал плечами Петрухин. – А ты в курсе, что я ни в ментуре, ни в полицейской зондеркоманде более не состою?

– В курсе.

– Ишь ты... откуда?

– Слухами земля полнится. Ты ведь в ментовских раскладах фигура заметная.

А вот здесь Брюнет явно приврал. Не такая уж Петрухин был и «фигура». А если даже и заметная, то в очень узком кругу. Хотя... после мартовских событий...

– И все же, Витя?

– У меня на Суворовском свои люди имеются, – нехотя признался Брюнет.

– А вот это уже теплее... И что же ты к этим, которые «свои», за помощью не идешь?

– Ты же сам знаешь: там, в кабинетах, одни лампасы да погоны. А мне нужен мент по жизни. Сыскарь. Ну как? Поможешь? Тем более, ты ведь теперь свободен?..

Напоминание о нынешней «свободе» заставило Петрухина болезненно поморщиться. «Ах ты, ёрш твою! Свободен!.. Да, Витя, теперь я СВОБОДЕН! Свободен и легкий, как сопля, в полете...» Возникшая на физиономии свободного человека соответствующая гамма эмоций не ускользнула от пытливого взора Брюнета:

– Ты чего, Борисыч? Я что-то не то ляпнул?

– Не, ничего, Витя. Все нормально... Так что там, говоришь, у тебя случилось?

– Очень хреновая история, Борисыч. Убийство у меня в офисе случилось.

– Нормальный ход! В офисах разборки проводишь?

– Да я ва-а-ще ни сном ни духом! – взялся горячечно оправдываться Брюнет. – Как снег на голову! Вот честное благородное!.. Короче, убит мой сотрудник. Мой типа зам. Второй по подозрению задержан, в изоляторе чалится. Оно бы и хрен-то с ним, но у меня из-за этого характерного поступка такая канитель началась – караул! У меня...

– Погодь, Брюнет. Давай-ка спокойно. Что ты конкретно хочешь от меня?

– Чтобы ты помог разобраться... Не за спасибо, естественно.

Задумавшись, Петрухин допил пиво, поставил пустую бутылку на асфальт. Тут же на нее спикировал юркий бомжик, и охранник Брюнета, продолжавший все это время контролировать поляну, презрительно скривил губы.

Напрасно он так. Зря. От молодости это, от непонимания, что сам в любой момент может оказаться на месте этого бомжа. Или на нарах. Или в морге... жизнь – штука интересная. Жонглирует людьми, как цветными шарами. И иногда не успевает подхватить. Или не хочет. Телохранителю Брюнета – молодому, уверенному в себе, здоровому – кажется, что так будет всегда. И большинству людей кажется, что они хозяева своей жизни, что ничего страшного с ними никогда не случится... С другими? С другими – да. Но не со мной... Я точно знаю, что это не так...

– ...А как обзывается твоя контора?

Брюнет вытащил из кармана пиджака визитку.

Дмитрий взял в руки четырехугольник плотного, очень высокого качества картона с золотым тиснением, в левом верхнем углу которого располагался логотип фирмы. Правее и ниже – название: ОАО «Магистраль-Северо-Запад», еще ниже: «Голубков Виктор Альбертович. Генеральный директор». Еще ниже – четыре телефона в столбик. Строго и с достоинством.

– Крепко ты поднялся, Брюнет, – усмехнулся Петрухин и протянул визитку обратно.

– Ты визиточку-то оставь. Пригодится... Только вот что, Борисыч... Ты меня при сотрудниках Брюнетом не называй.

– При каких сотрудниках? Угрозыска?

– В фирме!

– А на хрен мне твоя фирма, Брю... Виктор Альбертович?

– Это как мне тебя понимать: ты берешься или нет? – спросил, глядя с прищуром, Брюнет.

– Нет.

– Почему?

– Я из ментуры ушел, Виктор Альбертович.

– Ушел? Или все-таки ушли?

Глаза Петрухина блеснули холодным огоньком:

– Дружище! Не стоит лишний раз демонстрировать мне свою глубочайшую осведомленность. Я все равно два раза на один понт не улыбаюсь.

– Ну, извини. Вот уж не думал, что тебя это так заденет.

– Так или эдак, но в любом случае – со стрелялками-догонялками покончено. А в частных детективов пускай детишки играют.

Брюнет поднялся, брезгливо отряхнул плащ и сунул Петрухину крепкую пятерню:

– Ладно, Борисыч. Приятно было повидаться... Если вдруг передумаешь – звони.

Виктор Альбертович с достоинством прошествовал к «хаммеру». Распахнувшийся перед ним дверцу охранник в последний раз смерил Петрухина недобрым, сканирующим взглядом, и Дмитрий, не удержавшись, подмигнул бугаю: дескать, давай-давай, служивый, бди как следует. Однако бугай таких вот братских чуйств к себе предсказуемо не оценил...

«Хаммер» стремительно взял с места в карьер, пересекши сплошную осевую, выехал на площадь перед фасадом станции метро, наглядно демонстрируя действенность закона «у кого машина больше, тот и прав», и унесся в сторону центра. Петрухин скосил глаза на свои «водо-да-еще-как-проницаемые», убедился, что двадцать минут с момента кормления мобильника прошло, и по памяти набрал номер Натальи...

* * *

Заместитель директора по ассортиментно-закупочной деятельности сети магазинов по продаже крепежных изделий «Винтик & Шпунтик» Сергей Сергеевич Наровлянский этим утром благосклонно позволил себе немного расслабиться. Наметив появиться на работе не ранее часа-двух пополудни. Причина столь несвойственного для него поведения являлась более чем уважительной – минувшую ночь он наконец-то провел с женщиной, расположения которой добивался на протяжении почти четырех месяцев. Столь длительный срок любовной прелюдии стал для Наровлянского своего рода рекордом, так что не грех было отметить эту победу достойно и без излишней спешки. В данный момент Сергей Сергеевич, томно распластавшись, блаженствовал на шелковых простынях гигантского сексодрома и, прикрыв глаза, с помощью «лентяйки» сканировал Fm-эфир на музыкальном центре. Выбирая музыку поинтимнее.

Дверь приоткрылась, и в спальню, метраж которой превосходил общую площадь всей петрухинской квартиры, грациозно прошествовала... Наталья. В столь очаровательном полунеглиже и со столь томной поволокой в глазах, что далеко не всякий пациент опознал бы сейчас в ней «дюже строгую сестричку с кардиологии». Перед собой Наталья толкала хромированный столик на колесиках, который она притормозила рядом с кроватью:

– Ваш завтрак, милорд!

– А как же аперитив, мадам? – поинтересовался Наровлянский, уже вполне по-свойски прихватывая ее за бедро.

– Экий вы ненасытный, милорд. Мне кажется, этим утром мы с вами уже достаточно... «нааперитивились»?

– Не знаю как вам, а вот мне – недостаточно. Не желаете удостовериться? – Сергей Сергеевич скабрёзно улыбнулся и указал на то место, где под одеялом заметно виднелся не вызывающий сомнений в своем происхождении бугорок.

– Ну что вы? Я верю вам, милорд! – подыграла Наталья, с готовностью, впрочем, ныряя под одеяло. – Да, но как же ваша тахикардия?

– Вы же сами говорили, мадам: профилактика и еще раз профилактика!..

В следующую секунду в дамской сумочке заголосил сотовый телефон.

– А, ч-черт! Не бери! – досадливо скривился Наровлянский.

– Это, наверное, с работы. Я же им сказала, что максимум на полтора часа опоздаю... Ладно, сейчас еще что-нибудь сокру.

– Скажи, что плотно стоишь в пробках! И будешь стоять еще долго!

– Очень на то надеюсь. Что долго. Будет стоять, – в ответ неожиданно выдала такую вот, в общем-то несвойственную для себя, скабрёзность Наталья. Ну да что взять с истосковавшейся по сексу, еще вполне молодой и здоровой бабы? С давно и крепко забухавшим Петрухиным-то у них уже несколько месяцев не было ни намека на интимную близость.

Наталья соскользнула с кровати, дотянулась до сумочки, бросила мимолетный взгляд на мигающий дисплейчик и... резко изменилась в лице.

– Ты чего?

– Это... это не с работы. Извини. Я на минутку.

Она торопливо вышла из спальни, путаясь в поворотах, прошла в комнату-кабинет Наровлянского и плотно прикрыла за собой дверь. Здесь Наталья еще какое-то время настраивалась на разговор и, наконец, ответила:

– Слушаю.

– Привет. Ты где? Что-то случилось?

– Да... Случилось...

– У тебя такой трагический голос, словно... – Петрухин помолчал, подбирая правильную ассоциацию: – ...Словно бы ты собираешься сообщить, что уходишь от меня.

– Ухожу?! – Наталья горько усмехнулась. – Нет, Дима, я уже ушла... Давно ушла. Просто ты этого не замечал... Не хотел замечать... Ты ничего не хотел замечать, опер. Ты жил своей жизнью, в которой я всего лишь присутствовала. Как телевизор, например. Или как твой любимый подстаканник. Впрочем, подстаканник был даже более важен...

– Наташа!

– Подожди! Не перебивай! Я должна сказать. Я давно должна была это сказать, но постоянно откладывала. А потом, когда собралась, у тебя случилась... эта история с Костылем и...

– И ты меня пожалела?

– Если хочешь – да, пожалела! Пока тебя таскали по инстанциям, пока решался вопрос – возбуждать ли уголовное дело, пока ты уходил в запой, снимая стресс, связанный с уволь-

нением... Я откладывала этот разговор почти два месяца. А у меня, между прочим, есть своя жизнь...

– Я понял, – перебил ее Петрухин. – И кто же он?

Наталья осеклась. Только тихо шепнула что-то, и там, сидя на краю грязного каменного остова, Дмитрий догадался, что она шепнула: «О! Господи!» Он даже представил себе, как Наташа округлила глаза и как при этом четко обозначились морщинки над бровями.

– Так кто же твоя новая жизнь?

– Он... он замечательный человек. Он... он меня любит. По-настоящему.

– Поздравляю... И давно этот замечательный человек появился?

– Давно. И если бы ты обращал внимание на меня, ты смог бы это понять... ОПЕР!.. Шесть лет! Шесть лет я терпела. Я состарилась, ожидая тебя. Ты знаешь, что мне уже тридцать четыре? Ты понимаешь, что моя жизнь проходит?..

Наталья вздрогнула от неожиданности, ибо за стеной на полную грянула музыка. Это сгораемый от желания Наровлянский столяр нехитрым образом намекнул, что пора бы уже и закруглиться. С пустопорожними разговорами.

– ...А я женщина! Я хочу любить! Хочу, чтобы меня любили! Хочу иметь детей! Ты можешь хоть это понять своими ментовскими мозгами?

– Нет. Ментовскими мозгами это понять трудно. А полицейскими – так и вовсе невозможно... Кстати, классная тема! У твоего замечательного человека есть вкус! Не спросишь, кто это играет? Я подожду.

– Сволочь!!!..

...Петрухин сидел на краю болота, и ему хотелось выть. На ощупь он вытащил сигарету из пачки, вставил ее в губы не тем концом, прикурил с фильтра, закашлялся. Сидящая на березе здоровенная ворона покосилась на него своим черным глазом. Если бы вдруг она каркнула сейчас: «Господи!» – Петрухин несколько не удивился бы. Тормозить больше не хотелось, и Дмитрий полез в карман, чтобы еще раз пересчитать наличность...

* * *

Не секрет и на бином Ньютона не тянет, что у каждого из нас в жизни имеются свои, сугубо индивидуальные, огорчения – у одного, к примеру, ушла любимая женщина, у другого – подняли до ста сорока тысяч тариф на КАСКО без франшизы. А третьему так и вовсе – уголовное дело по убийству шьют!..

Вот как раз сейчас, в ту самую минуту, когда Петрухин накачивался в близлежащем питейном заведении, в недрах печально знаменитых «Крестов», в неприятной комнатке для допросов продолжались процессуальные посиделки на троих. Под протокол, но без бутылки. Тон, темп и вектор непростой беседы задавал следователь по особо важным делам Коровин. Его оппонентами выступали вице-президент ОАО «Магистраль-Северо-Запад» Игорь Строгов и адвокат Александр Моисеевич Штурм. Поскольку все трое являлись представителями классово чуждых профессий, особой приязни друг к другу никто не испытывал. Хоть каждый и старался держать себя в подчеркнуто вежливых рамках...

– ...Итак, Игорь Васильевич, вы продолжаете настаивать, что причиной разногласий между вами и покойным Тищенко послужил микроавтобус марки «фольксваген», 1998 года выпуска, зарегистрированный на фирму «Магистраль-Северо-Запад», в которой вы трудитесь... э-э-э... вице-президентом?

– Продолжаю, – сглотнув подступивший к горлу комок, согласился Строгов и с надеждой посмотрел на своего адвоката. Тот важно и согласно кивнул.

– Но, согласитесь, для людей вашего круга затевать столь серьезные разборки из-за каких-то жалких пятисот долларов, мягко говоря, унинительно?

– Мне доподлинно не известно, каков сейчас порядок зарплаты следственных работников, – саркастически заметил Штурм. – Допускаю, что она настолько велика, что на этом фоне сумма в 500 долларов США представляется жалкой... Но смею напомнить, что в данном случае речь шла об имуществе, стоящем на балансе фирмы. А потому Игорь Васильевич как лицо материально ответственное не мог позволить компромиссов в этом вопросе...

– Ну хорошо. Допустим... Конфликт завязался, а отношения, соответственно, напряглись. Что потом?

– А потом мы решили встретиться в офисе, чтобы окончательно закрыть эту тему.

– А почему этого нельзя было сделать в рабочем порядке? Зачем понадобилось встречаться именно в воскресенье?

– Дабы не выносить сор из избы при посторонних. Не так ли, Игорь Васильевич? – подкинул очевидное решение адвокат.

– Да-да. Чтобы это... Чтобы не выносить...

– А по какой причине вы взяли с собой на встречу совершенно, по вашим же собственным словам, постороннего человека?

Строгов беспомощно уставился на адвоката, и тот окончательно перехватил вожжи из потных рук своего подопечного:

– Господин следователь! Мой клиент уже отвечал на этот вопрос. Ну да повторюсь: покойный Тищенко – человек с уголовным прошлым. А потому порой бывал... э-э... неадекватен. Исходя из чего мой клиент был вынужден пригласить на столь непростую встречу человека для... э-э-э... моральной поддержки... Вы понимаете ход моих мыслей?

– Ход ваших мыслей, Александр Моисеевич, я прекрасно понимаю. Я не вполне понимаю другого: что на самом деле произошло в ходе этой встречи? И откуда взялся этот добрый самаритянин? Готовый оказать моральную поддержку первому встречному?

Штурм намеренно пропустил мимо ушей скользкий вопрос о происхождении «самаритянина», сосредоточившись на выстраивании мизансцены преступления:

– В ходе роковой встречи Тищенко повел себя агрессивно, достал ружье. Спутник моего подзащитного, оценив степень опасности, попытался это ружье у него вырвать... Завязалась борьба, в процессе которой случилась... Хм... ужасная трагедия.

И здесь Строгова неожиданно пробило-таки на эмоцию. Искреннюю, но в данном контексте абсолютно неуместную:

– Да кто мог знать, что этот козлина безрогий хранит у себя в кабинете ствол?! Да если бы Саша не попытался это ружье у него отобрать...

Осекшись под укоризненным взглядом адвоката, Игорь Васильевич поспешно заткнул пасть, и Штурм продолжил начатое разглагольствование:

– А касательно вашей иронии в части «добротого самаритянина»... Молодой человек! Я старше вас, а потому могу со всей уверенностью сказать: в нашей жизни добрых, благородных людей все-таки больше, нежели мерзавцев... Я понимаю, что служба накладывает некий... э-э-э... отпечаток, из-за чего вы воспринимаете жизнь в гораздо более мрачных тонах. Но поверьте – есть! Остались еще на этом свете отзывчивые люди...

– Настолько отзывчивые, что без колебания готовы дважды выстрелить в голову незнакомому человеку? – усмехнулся Коровин. – Ну-ну...

* * *

Поздним вечером того же дня по Невскому проспекту неспешно катила издававшая виды темно-синяя «девятка». Скромные тактико-технические характеристики некогда престиж-

нейшей машины братвы вкупе с самою вкрадчивой неспешностью транспортного средства недвусмысленно свидетельствовали о его нынешнем статусе «бомбовоза». Посему неудивительно, что именно эту тачку своим наметанным глазом выцепил в общем потоке Шнобель и просигнализировал ей жестом Цезаря, повелевающего добить поверженного гладиатора. «Девятка» понимающе вильнула хвостиком и послушно притормозила у его ног.

Шнобель рванул дверцу и уперся взглядом в водителя «бомбовоза», лицо которого показалось ему знакомым. Сам же водила отчего-то смотрел на потенциального клиента без предсказуемого коммерческого интереса, но с легкой ухмылочкой. Так, словно бы это Шнобель делал ему одолжение, намереваясь вступить в краткосрочные рыночные отношения.

– Слышь, брателло! До Московского вокзала за две сотни отвезешь? Горю капитально!

– Без проблем. Только на моей земле действует строгое правило: ранее судимым пассажирам – 50-процентная надбавка к тарифу.

– Че-его?!

– Того самого. Короче, Шнобель, ты едешь или где?

– Ититская сила! Леонид Николаич, ты?

– Я-я! Давай, рожай быстрее! Здесь стоянка запрещена!

Потрясенный нежданно-негаданной встречей Шнобель запрыгнул на «первую парту», шумно хлопнул дверцей, и «девятка» сорвалась с места. Тут же впрочем застыл на мигающем зеленом – бывший старший следователь Купцов всегда относился к ПДД с большим пиететом, нежели к УК.

– Очуметь! – потрясенно выдохнул Шнобель. – Уж кого-кого, но чтобы к тебе, Леонид Николаич, вот так вот подсесть! Что, халтурим бомбилкой в свободное от службы время?

– Служим бомбилкой во время свободное от халтур, – нехотя скорректировал Купцов.

– Да ты чё?! – Изумление Шнобеля было абсолютно искренним. – Неужто и эдакую святую душу из органов попросили? Вот зверье!.. Оборотни в погонах они и есть!.. Но ты, Леонид Николаевич, не переживай. Такие как ты – они...

– Хорош мне тут горбатого лепить! Между прочим, этой самой святой душе о 2006 годе ты, помнится, обещал по выходе с зоны в кису насыпать?

– Побойся бога, Леонид Николаевич! Я и слов-то таких отродясь не слыхал – «в кису насыпать». Откуда такой вульгаризм? Ты меня явно с кем-то спутал.

– Может, и спутал, – равнодушно пожал плечами Купцов. – Разве всех вас, имя которым легион, упомнишь?

– Курить-то у тебя на борту можно? – спросил яркий представитель «легиона», некогда специализировавшийся на кражах со взломом.

– Валяй. Желание клиента – закон.

– Охренеть! Кому сказать – не поверят!

– Потому лучше и «не говори никому – не надо»... Сам-то как? Чем теперь занимаешься?

– Да так. Кручусь поманеньку, – уклончиво ответил Шнобель, прикуривая. – В малом, так сказать, бизнесе.

– Отчего же в малом? Большому кораблю, как известно...

– Угу – большая торпеда... На фиг, на фиг: «Титаники», они, сам знаешь, плохо кончают.

– Ну, положим, тебе до «Титаника» как до лунного серпа.

– Обижаешь, начальник! Я, между прочим, сейчас с самим Хоботом работаю!

Взыгравшее тщеславие Шнобеля, походя, сдало-таки текущие пароли и явки. Другое дело, что прорыва искренности Купцов все едино не оценил. Отныне подобного рода информация была для него и бесполезна, и безынтересна.

– О чем и толкую: целого слона ты всё едино не потянешь. Только – частями.

– Да ты чё? Ты действительно за Хобота не слышал?! Хобот – это имя знаменитое! Слово у него густое.

– Не-а, не слышал.

– Во блин! А еще бывший следак! Как же ты тогда в наших коллективах разбирался?

– А я и не разбирался! Когда мог – сажал, если за дело. А не мог – не трындел, что нам мало платят, а суд выпускает.

– Тоже позиция, – подумав, согласился Шнобель. – Ладно, будет как-нибудь время, я тебе разжую. Ведь даже попы изучали марксизм-ленинизм, так что и тебе некоторое будет полезно.

– Ага, интересное сотрудничество может получиться... Тебе у вокзала где?

– О! За разговорами и не заметил, как долетели. А вот прямо здесь, если можно.

– Отчего же нет? Я же говорю: желание клиента – закон.

Купцов свернул на Лиговку, зачалился у пешеходного перехода. Шнобель удовлетворенно крикнул, вытащил из внутреннего кармана увесистый лопатник и заслал на «торпеду» две сотни.

– Мерси!

– Не понял? Я ведь сразу, еще на посадке предупредил. О надбавке ранее судимым.

– Хм... А я думал, это шутка такая.

– С деньгами не шутят.

– Ну ты, Леонид Николаевич, и крохобор, – хмыкнул Шнобель, докладывая еще одну сотню.

– Уж если кто из нас крохобор, так это ты, – заметил Купцов, пряча деньги.

– Это еще почему?

– В последнюю посадку семь эпизодов взял, а от восьмого отбрыкивался аки конь ретивый.

– А восьмой гоп-стоп не мой. Я там не при делах был. Зуб даю!

– Да знаю я. Просто, где семь – там и восемь. С тебя одно – спрос, а людям какое-никакое удовольствие доставил бы.

Шнобель выбрался из машины, хрюкнул довольный:

– На моей земле, Леонид Николаевич, тоже действует правило: удовольствие я доставляю только бабам... Все, счастливо! Мерси за доставку... А за лекцию по марксизму-ленинизму ты все-таки подумай!..

...Шнобель резво затрусил по пешеходному переходу в сторону вокзала – похоже, и в самом деле опаздывал на поезд. А вот настроение Купцова, менее чем за пять минут поднявшегося на десять литров бензина, резко испортилось.

В принципе, за месяц с куцым хвостиком безработицы Леонид Николаевич уже более-менее пообвыкся со своей таксистской долей и теперь относился к ней скорее с юмором. Потому что иначе нельзя. Иначе свихнешься или начнешь заливать глаза водкой. Потому что бомбежка (тем паче ночная) – это своего рода особый жанр, требующий незамутненности сознания и крепких нервов. Ибо хорошо еще, когда половину (а то и много больше) пассажиров составляют уроды всех мастей: наркоманы, проститутки обоих полов, приبلатненная шелупень. Почти каждый ночной пассажир оставляет в салоне благоухание алкоголя, а то и ацетона...

Однако нынешняя мимолетная встреча с бывшим крестником из недалекого следяцкого прошлого неприятно разворошила-разбередила душу. Посему Леонид Николаевич решил, что на сегодня пора сворачивать незарегистрированную частнопредпринимательскую деятельность, возвращаться домой и в кои-то веки накатить по-взрослому. Если, конечно, Ирка в очередной раз мозгу не запилит...

5 мая 2011 года, чт

Утро традиционно началось с отвращения. На этот раз не к чему-то конкретному (к себе, к водке и т. д.), а – в общем и целом. Да, именно так – просто с ОТВРАЩЕНИЯ. Равно как с традиционной мантры «на-до – тор-мо-зить».

«Нужно тормозить, – сказал сам себе Петрухин. – Нужно тормозить и подвести какие-то промежуточные итоги».

На само «подведение» времени ушло немного. Итоги оказались таковы: за два последних месяца он едва не убил своего товарища (а если говорить прямо, не лукавя, то хуже чем убил) и оказался проклят его женой. Женщина, которая его любила, ушла к другому. Он потерял работу... Потерял то последнее, за что мог бы зацепиться и выплыть.

Именно теперь, когда он потерял работу, Петрухин вдруг осознал, насколько она была важна для него.

Нет, разумеется, он и раньше никогда не отделял себя от розыска. Но вот сейчас это ОТДЕЛЕНИЕ произошло. И все стало ясно. Все стало предельно ясно и от этой ясности – тошно... А он жил розыском. Отныне их пути разошлись. Уголовный розыск без Петрухина обойдется... а как Петрухин будет жить без розыска?

Дмитрий поднялся, пошатываясь подошел к столу, походя словив свое отражение в зеркале:

– М-да... Если труп обвести цветными мелками, создается атмосфера праздника... Хотя... В принципе, могло быть и хуже...

Он выцедил из чудом уцелевшей пивной банки жалкие остатки вчерашнего разгуляева. Тепловатое пиво побежало по сухому горлу, однако легче не стало. И то сказать: что мамонту с той дробины?.. Петрухин провел ревизию карманов в надежде найти случайно затерявшуюся купюру... и не нашел. Зато из заднего кармана джинсов вытащил плотный четырехугольник картона с золотым тиснением: «ЗАО „Магистраль-Северо-Запад“. Голубков Виктор Альбертович. Генеральный директор».

Брюнет!..

* * *

...В офис «Магистрали» на Свердловскую набережную Петрухин приехал спустя три часа. Время потребовалось, чтобы элементарно прийти в себя: побриться, отмокнуть в ванне, попить чаю. Меры, безусловно, примитивные и снять последствия недельного запоя не могли, но Петрухин уже принял решение «начать новую жизнь» (это ж в какой по счету раз?) и откладывать его осуществление «на потом» не захотел...

...Офис производил впечатление уже с набережной. Даже самый невнимательный прохожий, который и по сторонам-то не глядит, а исключительно себе под ноги, не смог бы его не заметить. Перед фасадом «Магистрали» неровный, в выбоинах, асфальт сменялся на двухцветную импортную брусчатку. Горели большие матовые шары, и стояли синтетические деревья в больших кадках... Словом, этаким маленький европейский оазис среди расейского убожества, от созерцания коего само убожество становилось еще более наглядным. На стоянке, обнесенной легкой ажурной оградой, стояло десятка два автомобилей. Над входом со сверкающими мраморными ступеньками нависал голубоватый стеклянный купол. Сверкала полированной бронзой литая плита: «Магистраль-Северо-Запад».

«Все как у людей, – подумал Петрухин, входя в шикарную стеклянную дверь. – Интересно, думал ли Брюнет еще лет пять назад, что сумеет так подняться?»

Из застекленной будочки на Петрухина внимательно смотрел не очень молодой охранник.

– К Брю... к генеральному директору, – сказал Петрухин.

– Простите, ваша фамилия? – спросил охранник, и Дмитрий подумал, что охранник из отставных офицеров. Время покажет, что он не ошибся.

– Петрухин.

– Вас ждут, Дмитрий Борисыч. По коридору прямо и налево. Там приемная генерального.

Внутри, как и снаружи, все было «на уровне»: от сверкающего паркета до длинноногих девах, снующих по коридору. Евростандарт. Приемная в дереве и коже. Секретарша и знакомый уже телохранитель на диване...

– ...Виктор Альбертович, – осторожно заглянула в кабинет секретарша Аллочка, – к вам пришел тот человек. Который звонил с утра и представился очень странно: Борисыч... впускать?

– Да-да, пусть войдет, – ответил генеральный директор, крутанулся в кресле и поднялся. Во время серьезного разговора он любил ходить по кабинету или, по крайней мере, быть на ногах. Отчасти то был рецидив тех времен, когда Брюнет занимался делами, подробно прописанными в особенной части УК РФ. Всё верно – стоящий человек более собран и быстрее сумеет «сделать ноги»...

– Моё почтение!

– О! Привет еще раз, Борисыч... Спасибо, что хм... оперативно подскочил. Да и – искренне рад, что ты передумал.

– Не торопи коней, Брюнет. Я еще окончательно не решил. Может, и возьмусь. Но для начала мне нужно ознакомиться с обстоятельствами. – Петрухин осмотрелся, прищурился лукаво. – К слову, место для офиса ты толково выбрал – Арсенальная, 7, совсем рядом. При надобности недалеко переезжать.

– Типун тебе на язык!.. Кофейку? Или, может, коньячку?

– Минералки. Холодной.

Голубков продублировал слова Петрухина в переговорное устройство и с пониманием поинтересовался:

– Что, трубы горят? Ничего, Борисыч, трубы – наш профиль, поможем.

– Что значит: трубы – ваш профиль?

– ОАО «Магистраль-Северо-Запад» входит в тройку крупнейших поставщиков труб по Северо-Западу.

– М-да, трубы – это довольно-таки далеко от фарцовки шмотками и кустарного производства водки-палёнки, а, Витя? Кстати, твоя компания уже обзавелась фирменным слоганом? Если нет, могу продать креатив, за недорого: «Наше дело – труба!» Как тебе?

Брюнет посмотрел на безработного оперативника с легкой укоризной:

– Знаешь, когда на меня Игорек Строгов с этой темой выкатился, я поначалу тоже весь расклад не сразу просек. А потом бумаги посмотрел, калькулятором пощелкал и ахнул: ни фига подобного – Клондайк! – Генеральный директор заметно оживился, явно оседлав любимого конька. – Ты вот, Борисыч, наверное, думаешь: трубы!

– Я думаю?

– Что такое? Какие трубы? А ведь без них ничего не делается. Они везде! Под землей, на земле, в космосе. Миллионы километров труб! Понимаешь?

– Понимаю, – усмехнулся Дмитрий. – Понимаю, что в душе ты, оказывается, поэт.

– Брось! Какой там из меня поэт? В лучшем случае – прозаик. Опять же, мой много-летний опыт показывает, что на самом-то деле нет никакой разницы, чем торговать. В основе все равно лежат бабки.

– Мудро. Глыбко. Афористично... Кстати, ху ис Строгов?

– Земляк мой, – как-то сразу поскучился и сдуплся Брюнет. – И компаньон. Собственно, он всю эту кашу и заварил. А я теперь расхлебываю! К слову, если сегодня это жЫвотное все-таки выпустят на подписку, клянусь, Борисыч, я его собственными руками на такие...

Виктор Альбертович оборвал сию эмоциональную фразу на полуслове, так как в кабинет вкатилась секретарша Аллочка с минералкой, стаканами, ногами и улыбкой. Оставив первые две позиции на столе, она вопросительно посмотрела на шефа и, не получив от него новых руководящих инструкций, молча удалилась. Провожаемая заинтересованным взглядом Петрухина.

– Какие, однако, у тебя тут кадры работают!

– А я тебе что говорю? Вливайся! Может, и сам кого закадришь. У меня тут девки работают сплошь чуткие. Синих чулков не держу принципиально. Исключительно – ажурные с подвязками.

– Верю. – Петрухин ловко вскрыл бутылку, с наслаждением глотнул воды и бесцеремонно плюхнулся на диван. – Ладно, покончим с лирикой и перейдем к делу. И – очень прошу тебя! – меньше эмоций, больше фактов.

– Как скажешь. Вот только... Для начала, видимо, следует обсудить условия нашего... э-э... сотрудничества.

– Стоп, Витя! Ни о каком сотрудничестве нет и речи... пока, во всяком случае. У тебя, как я понял, сложилась нехорошая ситуевина с криминальной подкладкой. И тебе нужно, чтобы кто-то, кто рубит в деле, разобрался, что произошло... так?

– Так. У меня, Борисыч, из-за этой ситуевины такие заморочки...

– погоди! О заморочках ты мне еще расскажешь. Сейчас я хочу, чтобы ты понял: за дело я возьмусь только в том случае, если оно действительно представляет интерес. Это – во-первых. А во-вторых, мне на хер не нужны никакие руководящие указания. Я должен обладать полной свободой. И если я вдруг открою, что эту мокруху организовал ты, например, то именно так я шепну в убойный отдел. Понял?

– Понял, – кивнул Брюнет. – Ни фиги ты, Борисыч, не меняешься.

– Нет, Витя, я сильно изменился... Короче, если тебя устраивают МОИ УСЛОВИЯ, то давай-ка перейдем к делу. Рассказывай, что у тебя приключилось.

Виктор Альбертович показушно вздохнул, уселся в свое начальственное кресло и принялся рассказывать:

– Ты, Борисыч, мою биографию знаешь. До известных пределов, разумеется. Но все-таки многое знаешь... Мне перед тобой ломаться понту нет... Я фарцевал, я кидал, я паленку гнал... Короче – бабки делал. Но я на ножи никогда никого не ставил. Ты знаешь. Меня махновцы грабили – это было. Меня беспредельщики из ОМОНа грабили – тоже было. А я честно жил... ну ты ухмылку-то спрячь, знаю, что сейчас думаешь...

– Не обращай внимания, дружище! Это у меня нервное.

– Короче, сколотил я кое-какой капиталец и начал прикидывать, куда бы его понадежнее вложить. На ларьках-то нынче особо не подымешься, а на зарубежных счетах держать оно, конечно, надежно. Вот только – скушно. Потому как ни ума, ни куражу... Ну прикупил я по случаю универсамчик. Еще кое-что, так, по мелочи. Но все равно – чую, не то! Не то пальто!.. Как вдруг в какой-то момент услышал самый натуральный трубный глас!

– О как?! – не удержавшись, хмыкнул Петрухин.

– Нет, ну не в религиозном смысле или каком мистическом, а в сугубо материальном... Да ты меня не торопи, сейчас объясню. Ты же сам сказал: давай с самого начала. Вот я и начинаю с са-а-мого начала. Я, как тебе может быть известно, не питерский.

– Из Череповца, кажется?

– Ну у тебя и память! – восхитился Брюнет. – Да, именно так. Я из славного города Череповца. Хотя ничего славного в нем, конечно, нет. Как был дырой, так и остался. Но я-то в нем родился и вырос. Родина! Хрен ей между... Однако без Череповца нам никак не обойтись – все сегодняшние завязки оттуда. В общем, так: лет пять назад вышел на меня землячок один мой, Игорь Строгов. Он к криминалу никаким краем не шьется, офицер морской. Вышел он ко мне с хорошим предложением: есть у нас в Череповце один заводик. Который, как в перестройку слег, так с тех пор и лежал себе – не в реанимации, но в глубокой коме. И все это время его потихонечку разворачивают все кому не лень. А у Игорька Строгова там кое-какие кореша оказались из заводских бугров. Все – бя! – коммунисты с девятьсот пятого года... в смысле скоммуниздить чего с родного завода со всей душой. И вот пришел ко мне Игорек: мол, есть дело на лимон. Толстенький, зелененький, с пороссячим хвостиком...

– То бишь трубы твои – они, выражаясь высокопарно, родом из детства?

– Да, Борисыч, верно угадал! Трубы. Трубы из нержавеющей стали в неограниченных почти что количествах из заводских запасов. Единственное, что еще утащить не успели, потому как не вполне понимали: куда это дело дальше девать?

– А ты, значит, сообразил?

– А я сообразил! – не без гордости подтвердил Брюнет. – В общем, тебе, Борисыч, как на духу: пару лет – тупо воровали. Вагонами. Начальству заводскому бабки возили сперва в трусах пачками, потом – чемоданами. Для этого дела привлекли нашего волгодонского мальчишечку. Погоняло – Нокаут. Он такой был – прибалтанный по жизни. Я его с детства знал, покойничка-то... Отсидел он по молодости за хулиганку. Без царя в голове. Но для тёркок-разборок в самый раз. Резкий парень был Леша Тищенко. Нокаут. Так втроем и работали. Нокаут на подхвате.

– «Нокаут на подхвате». Звучит-то как! Песня!

– Ага. На три блатных аккорда... Вот. Ну а дальше времена потихонечку переменялись. Промышленность в стране мало-мало зашевелилась. И тогда понял я – всё, хорошо уже мелочь по карманам тырить, надо ж и в гору расти... В общем, отжал я тогда себе этот заводик, вместе с оставшимися невеликими потрохами, и организовал «Магистраль». Игорек – хрен ему между! – тоже вошел в учредителя. А вот Нокаут – нет. Он и пришел в наше дело позже, да и, сказать по правде, толку-то с него немного. У него ведь за плечами лишь восемь классов средней школы, ПТУ (или как там они теперь обзываются?), три года зоны и два кулака.

– Согласен. В большом бизнесе пэтэушнику делать нечего.

– Вот-вот... Ну, в общем, пошли у нас контракты с заводами-производителями, поставки, договора. Все как у взрослых. Но при этом Лешеньку мы все равно не обижали. Оклад он имел как президент нормального банка.

– Это ж сколько будет? У нормального-то? – поинтересовался Петрухин. – Если не секрет, конечно?

– Пять тысяч зелени. Плюс бонусы, премии.

– Однако! Шоб я так жил!

– Во-во. Вот только Лешенька, падла такая, считал по-другому. И пошли у них с Игорем заморочки – обиды какие-то, выяснения отношений. Я, сказать по правде, не придавал значения... если бы знал, чем кончится! А кончилось, Борисыч, стрельбой и трупом в помещении офиса...

* * *

Пока Брюнет живописал Петрухину историю из разряда «кровавое убийство в зарослях укропа», всего в километре от офиса «Магистрали» на свободу, хотя и с не вполне чистой совестью, выходил один из ключевых персонажей этой драмы.

Дмитрий неспроста шутканул о судьбоносной близости штаб-квартиры Голубкова к адресу «Арсенальная набережная, 7». Любопытный петербуржец, да и многие гости города в курсе, что по этому адресу располагается печально знаменитый комплекс зданий СИЗО 45/1. В обиходе – тюрьма «Кресты». Вот именно из ее сторожки-проходной вышагнул отпущенный на подписку о невыезде вице-президент ОАО «Магистраль-Северо-Запад» Строгов в сопровождении шустрого адвоката Штурма. Профессиональными стараниями которого, собственно, сия подписка и была обеспечена. (Впрочем, одним профессионализмом в нашей стране сыт не будешь. Так что до кучи к «стараниям» через Александра Моисеевича была заслана энная сумма денежных знаков. Куда заслана? Куда надо! Мы «рыбных мест» не выдаем.)

Десять суток в «Крестах» – это, прямо скажем, хорошего мало. Особенно для благополучного бизнесмена, привыкшего к весьма высоким жизненным стандартам. Тем приятнее было оставлять их строго за спиной. Осунувшийся, бледный, с недельной щетиной Строгов, казалось, до сих пор не мог поверить свалившемуся на него счастью. Раньше он и помыслить не мог, что настоящее счастье, оказывается, заключается всего лишь в том, чтобы стоять на набережной Невы, полной ноздрей вдыхать балтийский бриз и блаженно щуриться на весеннее солнышко. Одним словом – прав, тысячу раз был прав классик отечественной литературы Константин Паустовский, когда написал «как мало, в конце концов, нужно человеку для счастья»! ¹

– ...Пойдемте, Игорь Васильевич. – Адвокат нетерпеливо потянул клиента за рукав. – Принимать солнечные ванны будете позже, когда с делами нашими скорбными разберемся. А сейчас едем – нужно продумать дальнейшую стратегию вашей защиты.

– Погодите, а как же?.. – Строгов недоуменно покрутил головой по сторонам и тоном капризного ребенка протянул: – Александр Моисеевич! Но ведь я же вас просил, чтобы вы предупредили Ольгу! Вы мне обещали!

– О, боги! Неужели десять суток воздержания для вас настолько невыносимый срок?.. Вон она, ваша Ольга Викторовна, в машине дожидается.

Вице-президент серьезной компании сфокусировался в направлении, обозначенном адвокатом, расплылся в довольной улыбке и, абсолютно несерьезно, даже как-то неприлично взвизгнув «Котёнок!», кинулся навстречу расфуфыренной девице, как раз выбирающейся из припаркованной неподалеку иномарки. Издав ответный животный визг, Котёнок рванул на сближение и через пару секунд воротником повис на шее экс-узника, изголодавшиеся руки которого мгновенно сомкнулись на том месте, где у животных обычно начинается хвост...

М-да! Пожалуй, даже жены декабристов в подобных ситуациях вели бы себя много сдержанней.

– ...Господи! За что мне это? – ворчливо пробормотал Штурм, косясь на слившуюся в любовном засосе парочку. – Посмотри, на каких конченных кретинов мне приходится тратить свое здоровье, свои таланты и множить свои грехи! И ради чего? Ради каких-то

¹ Дословно: «Я подумал: как мало, в конце концов, нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, как только оно появляется».

несчастливых денежных знаков?.. Кстати! Надо будет добавить в статью расходов и эту его бабу. В конце концов, я подряжался в адвокаты, но не в таксисты...

* * *

– ...Да, Витя, история, прямо скажем, с душком-с, – согласился Петрухин, резюмируя поведенное Брюнетом и наливая себе очередной стакан минералки.

– Какое там с душком? Да от нее за километр воняет! Ну чего, возьмешься, Борисыч?

– Значит, говоришь, дружка твоего... который Строгов... собираются на подписку выпускать?

– Адвокат уверял, что сегодня. Если, конечно, каких форс-мажоров в последний момент не возникнет.

– Не возникнет. Не переживай: пойдет твой вице-друг свидетелем.

– Думаешь?

– Уверен. Если, конечно, не расколят. Но я бы на его месте не раскололся.

– Значит – свидетель?

– Понятное дело... Ну так а от меня чего ты хочешь, Брюнет?

Виктор Альбертович вышел из-за стола, принялся возбужденно ходить по кабинету. Ковролин скрадывал звук шагов.

– Чего хочу?!.. Чего хочу? Правды я хочу. Меня же менты прессуют, меня в газетах полощут. У меня контракты под угрозой срывов. У меня была назначена встреча с губернатором – хрен! Отменили... ты понимаешь?

– Понял.

– Ну так возьмешься?

– Возьмусь. Считаю, меня тоже позвал трубный глас.

Последние слова Петрухин произнес безо всякой иронии или, упаси боже, пафоса. Его и в самом деле поманил глас – но не коммерческий, как в свое время у Брюнета, а – ментовский. Довольно трудно объяснить, что это такое. Пожалуй, в чем-то сродни инстинкту охотничьей собаки.

– Что от меня потребуется? – тотчас поинтересовался Брюнет, привыкший решать вопросы делово и конкретно.

– На первом этапе немного: всю какая есть информацию по Нокауту, Игорю Строгову и охраннику... Как бишь его?

– Черный. Такая вот забавная фамилия. Офицер. К слову, у нас в офисе основной костяк охраны – флотские офицеры. Это мы по связям Игоря вербовали. Люди с высшим образованием, без хамства, без понтов. Хотя бы могут нормально пообщаться с посетителями...

– Толково придумано. Значит, запишешь мне координаты этого Черного. Далее – деньги на оперрасходы, на мобильную связь. Транспорт. Ну и... И – напарник. Одному это дело лопатить нереально.

Брюнет повеселел и снова упал в кресло, громко хрустнув итальянской кожей:

– С информацией просто: получишь все – от личных дел до общих сплетен. Хрен им между! С деньгами еще проще. Сколько нужно?

Сколько было Петрухину нужно, по правде сказать, он и сам не знал. А потому ляпнул наугад:

– Тысяч пять.

Брюнет покачал головой и достал бумажник. На столешницу легли десять пятисотенных зеленых бумажек. С напускным, хотя это было и непросто, равнодушием («Э-эх, кабы в уголовном розыске так легко давали деньги на оперрасходы!») Дмитрий сгреб купюры, сунул их в карман.

– Теперь, что касается транспорта... – Виктор Альбертович задумался. Впрочем, ненадолго: – А давай-ка ты строговского «опеля» забирай: хочешь, вместе с водителем, не хошь – бери пустую... Правда, сегодня я его в область отправил, но с завтрашнего утра, считай, он в полном твоем распоряжении... А вот что касается напарника – это ты, Борисыч, сам решай. Тут я тебе не советчик...

* * *

Спустя примерно час Петрухин вышел из офиса «Магистрали» с деньгами на кармане и с увесистой пластиковой папкой под мышкой...

Оставалось найти партнера.

И Дмитрий уже знал, где станет его искать...

Глава вторая

Где-то на севере еще оставалась светлая полоска, а с юго-запада на город уже тянуло низкие, косматые, как брови легендарного генсека, тучи. Потихонечку начинался дождь. И хотя плохая погода для бомбежки – самое то, Леонид решил, что на сегодня, пожалуй что, и хватит. Все равно всех денег не заработаешь, а он и без того отмантулил за баранкой без малого шесть часов. Опять же – жутко разболелись спина и шея. Не то что к непогоде, а скорее всего просто с непривычки: ведь к тому моменту, пока следователь Купцов не получил прокурорский пинок под зад и с треском не вылетел из органов, он не так уж и много времени проводил за рулем. Как-то всё больше на казенном транспорте перемещался. Ну а теперь вот, что называется, жизнь заставила.

Заложив полукруг на площади Стачек, Купцов вывернул на Старо-Петергофский проспект и через несколько минут нырнул в знакомую до каждой выщерблинки на кирпиче арку, зачалившись во дворе-колодце. В этом, на первый взгляд мрачном, без единого деревца, дворе прошли детство, юность и «университеты» Купцова. И, судя по отсутствию в обозримом будущем каких-либо «судьбообразующих» перспектив, здесь же грозили нагнать-настичь его зрелость, старость и прощальный вынос ногами вперед.

Ну да не будем о грустном!..

...На лавочке возле купцовского подъезда, нахохлившись как простуженный воробей, сидел какой-то мужик и тянул из баночки пиво. Его можно было принять за классического алкаша, коих в этих, некогда рабочих, кварталах Нарвской заставы всегда подвизалось немалое количество. Купцов время от времени шугал со двора. Не по злобе, а исключительно в санитарно-профилактических целях – чтоб не ссали по парадным. Вот только у ног мужика стоял пузатый, до отказа набитый продуктами пакет из не самого дешевого сетевого магазина. Так что в итоге Леонид решил, что товарищ сей явно заявился к кому-то в гости, да вот только хозяев дома не застал.

К слову, так оно и вышло. В смысле действительно «явился» и «не застал». Но не «кого-нибудь», а персонально Купцова.

– Здорово! – со скамейки навстречу поднялся... Петрухин. – Как отбомбился, майор? Жертвы, разрушения есть? Честно говоря, задубел тут, тебя дожидаясь.

– Оп-па! Ну здорово, капитан... Каким ветром?

– Холодным, Лёня. Да еще и с дождем. Трубка у тебя отключена, в хату – суровая сестрица не пускает... Вот, приходится, как последнему лоху, на лавочке отсвечивать.

– Ах да, вы же не знакомы! А Ирка у меня барышня бдительная. Сам воспитывал, – улыбнулся Купцов и машинально осмотрелся. – А где ты свою «ласточку» оставил? Я к тому, что хотя бы в машине дожидался.

– А «ласточка моя», Лёня, с весной улетела, – помрачнел лицом Петрухин. – Только не в сени, а строго в противоположную сторону. И не одна, а с лапочкой внутри.

– Не понял? Это ты про Натаху, что ли?

– Про нее.

– Вы чего, поссорились?

– Все хуже, друг мой Горацишвили. Все гораздо хуже.

– Да ну?! Не может быть!

– Ага... Он долго думал «быть не может», пока в говно не ткнули рожей!.. Вишь как: раньше барышень кавалеры на тройках похищали. А теперь барышни деловые стали – сами за вожжи берутся. И – к кавалеру. С лихим посвистом... Впрочем, не все так плохо. Тоскливее было бы остаться при машине, но без крыши над головой.

– Да-а... Дела-а... – посочувствовал Купцов. – Ладно, пошли, что ли, греться? Хотя... Надо бы, наверное, сначала в магазинчик заскочить. За сугревом.

Петрухин глянул на старого приятеля с оттенком снисходительного превосходства:

– Спокуха, майор! Экс-уголовный розыск всегда готов дружески протянуть свою волосатую лапу экс-следствию. Держи! – Он протянул Купцову тот самый пакет, в который Леонид, не удержавшись, тут же заглянул.

– Однако! Широко живешь, Димитрий Борисыч! Никак умудрился к сытной денежной титечке присосаться?

– Не без того. К слову, ежели будешь вести себя хорошо и станешь во всем слушаться дядю Диму, может, и тебе кусманчик обломится.

– Тогда чего ж мы тут – мокнем, время теряем?! Двинули! – Леонид приложил магнитный ключ к панели домофона, и дверь подъезда отчаянно заверещала. – Знаешь, Димон, с тобой я готов вписаться в любую делюгу. За исключением, разумеется, мокрухи... Хотя... Если в качестве объекта ты предложишь мне судью Устьянцеву – тут вполне возможны варианты... А вообще – чертовски рад тебя видеть, старина!..

* * *

...Полтора часа спустя на маленькой, вытянутой более вверх, чем вширь (старый фонд! Потолки – о-го-го!), насквозь прокуренной кухне Купцов взялся за кольцо под абажуром лампы и опустил ее пониже. Усеченный конус света захватил в яркий круг стол, а остальное пространство скрылось в тени. И кухня сразу стала как будто уютней. В центре стола, хаотично заставленного пивными банками и тарелками с закусочной снедью, лежал лист бумаги, наискось рассеченный шариковой ручкой... Просто и выразительно, в духе раннего Кандинского.

Чутка захмелевший Купцов вытер салфеткой жирные от скумбрии холодного копчения пальцы, снова взял ручку, начертил неровный квадрат, окрестив его «Магистралью», и размашисто разбросал по углам надписи: «охранник», «Тищенко», «Строгов», «Х». При этом фамилии Тищенко и Строгова расположились напротив друг друга – по диагонали...

– ...резюмируем: твой старый знакомый Витя Голубков, он же Брюнет, сумел организовать серьезную фирму. У истоков которой с ним стояли два его земляка – Игорь Строгов, в прошлом морской офицер, и Алексей Тищенко – пэтэушник с криминальной подкладкой и говорящим прозвищем Нокаут. Начинали, как водится, с элементарного воровства...

– Сейчас, со слов Брюнета, работают легально, добросовестно и даже платят налоги, – уточнил Петрухин, памятуя о былой щепетильности приятеля и его нетерпимости к «врагам трудового народа».

– Ты смотри какие порядочные ребята! – ухмыльнулся на эту ремарку Леонид. – Далее... Между Строговым и Нокаутом наметился конфликт. Якобы они не поделили старенький казенный микроавтобус: тот принадлежал фирме, и Нокаут хотел его выкупить, а Строгов был против.

– Если точнее, они разошлись в оценке этогохлама.

– Да-да, я помню. В воскресенье, 24 апреля, они встретились в офисе. Причем Строгов, похоже, побаивался этой стрелки, а потому привел с собой человека, которого мы обозначили как Икс. Спустя всего минуту прозвучал выстрел.

– По версии Строгова, Тищенко повел себя агрессивно, достал помповое ружье. Мистер Икс это ружье вырвал и в процессе борьбы застрелил завхоза.

– Почему завхоза? – удивился Купцов. – Ты же говорил, что Тищенко – замдиректора?

– Он, конечно, был оформлен замом. Вот только какой из него, на хрен, заместитель генерального, с пэтэушным-то образованием?

– А, понял... Хорошо, едем дальше. Вскоре прозвучал второй выстрел... Сразу после него Строгов и Икс, прихватив охранника с собой, покинули офис, в котором остался только одинокий тепленький трупик завхоза. Примерно сутки Строгов отсутствовал, дома не ночевал, на звонки не отвечал – мобильник его был выключен. Потом он явился в милицию, наврал с три короба, был задержан на десять суток и сегодня отпущен на подписку. Так?

– Поздравляю вас, господин бывший следователь, – прекрасное резюме! Ну и что ты обо всем этом думаешь?

– Полная фигня! – оттопырив нижнюю в пивной пене губу, констатировал Купцов.

– Глыбкая оценка! У вас, у юриста с университетским образованием, формулировки как всегда отточенны и безукоризненны.

– На том стоим!.. А что этот Икс? Откуда он взялся? И куда потом делся?.. Что мы вообще о нем знаем?

– Да, собственно, ничего. Пока для нас он: просто прохожий – обшит кожей.

– Обратно чушь! – недовольно затряс головой Леонид. – Во-первых, я верю, что был какой-то конфликт. Но не из-за пяти же сотен! Во-вторых, на стрелку не берут случайного человека. В-третьих, так в принципе не делают. Если намечается серьезная стрелка, то никак не в офисе: труп, охранник-свидетель... куда их девать? Что, в конце концов, означает второй выстрел? Добивали раненого?

– Да чего там добивать? Когда оба выстрела аккуратно в голову?.. Но ты, разумеется, прав: так не делают. Совершенно очевидно, что стрелку забили мирную. Никто не собирался стрелять... Но что-то произошло. Что-то такое, что враз все переменяло. И обычная стрелка обернулась убийством. Вот нам и нужно выяснить: что же произошло в то злополучное воскресенье. Ну как, партнер, осилим?

– Давай попробуем! Если честно, радует, что круг участников этой драмы относительно невелик. Временно откладывая в сторону Икса, о котором мы пока ничегошеньки не знаем, по сути остаются только Строгов и охранник. С кого думаешь начать?

– Думаю, охранника мы тоже можем отложить в сторону. Причем в другую. Не к Иксу.

– Почему?

– Потому что сегодня, прямиком из офиса Брюнета, я подорвался в адрес к охраннику. Благо у того был выходной.

– И что охранник?

– Оказался вполне себе нормальным мужиком. И самое главное, похоже, действительно не при делах.

Купцов обновил бокал, пригубил и с интересом уставился на приятеля:
– Обоснуй!

Флешбэк

...В вестибюле общежития было прохладно и темновато. Смуглый мальчик лет десяти нарезал круги на велосипеде, на подоконнике сидел хмурый кавказец. Завидев Петрухина, он поспешно опустил ноги и глаза в пол, сказал:

- Здравствуйте.*
- Выпустили? – спросил Петрухин, глядя мимо, в пыльное окно.*
- По справедливости... да, начальник?*
- По справедливости тебя кастрировать надо, Русланчик.*
- Не, начальник, нельзя кастрировать. Нет такого закона, да?*
- Ничего. Скоро будет. Президент пообещал.*
- Кому? – заметно напрягся кавказец.*
- Мне лично, – буркнул Петрухин и прошел дальше.*

Кавказец за его спиной сделал неприличный жест...

В лифте, сплошь покрытом похабщиной и изображениями поганок, Дмитрий поднялся на шестой этаж. Здесь в обе стороны уходил коридор – бесконечный, с потолком в желтоватых лохмотьях водоземлюсионки, с грязным, заворачивающимся линолеумом на полу и бесконечным рядом разномастных дверей...

...Одетый в спортивные брюки и клетчатую трикотажную сорочку флотский офицер по фамилии Черный смотрелся моложе своих сорока трех лет. Явно накрученный по телефону Брюнетом, он встретил Петрухина одновременно и смущенно, и настороженно.

- Проходите, пожалуйста. Разуваться не нужно... Присаживайтесь. Кофейку?
- Нет, спасибо, – отказался Петрухин, приглядываясь и изучая обстановку.

Не секрет, что менты, если, конечно, дело заслуживает внимания, предпочитают посмотреть на клиента в домашней обстановке. Можно, конечно, выдернуть человека повесткой. Так оно и проще, и ездить никуда не надо. Но встреча «на поле соперника» дает гораздо больше информации и более располагает к контакту.

– Владимир Петрович! Я уже говорил вам по телефону, но считаю нужным повторить: мы с вами конфиденциально общаемся, – подсаживаясь к столу, напомнил Петрухин. – Без протоколов и прочей ерундистики. Все, что вы скажете, останется между нами. Это я вам гарантирую и, соответственно, рассчитываю на откровенность.

– Да-да, разумеется, – вздохнул Черный. – Так с чего мне начать?

– Как давно вы работаете в «Магистрали»?

– С первого февраля прошлого года... Понимаю, есть в этом некий нонсенс: морской офицер, и вдруг – охранник. Но такова реальность. На то вспомоществование, которое платит мне родное государство, прожить, извините...

– Я, Владимир Петрович, сам бывший офицер, – перебил Петрухин. – Так что отлично вас понимаю. И то, что вы сейчас назвали нонсенсом, лично я называю гораздо более грубым словом – «блядство». Большое государственное блядство.

Кап-два улыбнулся. Некоторое напряжение первой минуты знакомства, похоже, прошло.

– Согласен, Дмитрий Борисыч. Грубо, конечно, но в целом верно.

– Ну да вернемся к «Магистрали». Как вас туда занесло?

– Через контакты по службе. Там же замом Игорь Васильевич Строгов трудится. А он из наших – тоже флотский. В охране «Магистрали» таких как я еще несколько человек – крутимся, подменяем друг друга...

– Понятно. Ну что ж, расскажите, Владимир Петрович, про тот день. Хорошо его помните?

В строгом соответствии со своей фамилией кап-два почернел:

– Да его хрен забудешь... В общем, смена у нас начинается в 10.00... По выходным в офисе, как правило, никого нет, самая спокойная вахта... А тут около одиннадцати вдруг появился Тищенко... Он такой, знаете ли, очень неприятный человек... хм... был. Грубый, прибалтанный. Нехорошо, конечно, так про покойника-то, но из песни слова не выкинешь... Он пришел и сразу прошел к себе.

– Тищенко не показался вам взволнованным или, там, странным?

– Да нет. Как всегда... Я и видел-то его всего несколько секунд. Сказал ему: «Добрый день». Он что-то буркнул в ответ и – прошел к себе. А спустя буквально пару минут появился Игорь Васильевич и некий мужчина с ним. Молодой, лет двадцати пяти... в длинном черном пальто и вязаной шапочке, в серо-красных кроссовках.

– Вы хорошо его запомнили? Сможете опознать?

– Думаю, смогу. У меня память на лица крепкая. Я ведь на крейсерах служил, а там экипажи огромные. Как матросиков различать? Все в форме, все одинаковые – только в лицо... Запомнил я этого убийцу. Да и вообще – трудно его не запомнить.

– Что? – встрепнулся Петрухин. – Приметы какие-то?

– Да нет, без каких-то особых примет. Нормальные, правильные черты лица... Но вот характер! Характер у мужика несомненно присутствует.

– А как вы это определили?

Черный задумался, потом сказал:

– Трудно объяснить... Но я убежден, что прав. Хребет у него крепкий. Я всю жизнь с людьми работаю, научился понимать кто есть кто. Знаете как бывает? Приходит на корабль молодежь, и сразу видно, кого замордуют и шестеркой сделают, а кого нет. Так что глаз у меня наметанный.

– Хорошо, – кивнул Петрухин. – А что дальше?

– Дальше? Они вошли. Игорь Васильевич поздоровался, а тот – второй – нет... И они прошли к кабинету Тищенко. Я вообще-то обязан всех посетителей фиксировать в журнале, но поскольку этот убийца пришел с самим Строговым, то...

– Понятно. Дальше?

Черный поднялся, прошел на кухню, принес пепельницу, пачку сигарет, закурил и, неожиданно сменив тему, заговорил о наболевшем:

– Раньше-то я в коридор выходил, чтобы не травить жену с дочкой, а теперь там от «понаехавших» не протолкнуться. Героином торгуют почти в открытую... И противно, и сделать ничего нельзя. За жену с дочкой страшно...

– И давно вы здесь обитаете?

– Да как в 2007-м в Питер из Мурмана перевели, вот с тех пор и...

– Понятно. А всякие там жилищные сертификаты для военнослужащих?

– Я вас умоляю! – скривился Черный. – На эти так называемые сертификаты лично я могу себе позволить максимум «однушку» где-нибудь в Сусумане.

– А где это?

– Понятия не имею, – улыбнулся кап-два. – Ладно, извините, что-то меня не в ту степь... на чем мы остановились?

– Они прошли в кабинет Тищенко, – напомнил Петрухин.

– Ну да. Они прошли к Тищенко, и через какое-то, очень короткое время – выстрел. И я сразу понял, что произошло.

– А как вы это поняли?

– Не знаю как, но понял. Вот как-то мгновенно осознал, что это не хлопушка, не петарда, а именно выстрел, и именно в человека. Я не знал, кто стрелял, из чего стрелял, но понял сразу, что произошло убийство.

– А звуки? Ссорились они перед выстрелом? Ругались?

– Что-то такое было – громкий голос, шум... А потом – выстрел – и тишина. Затем – другой... Выходят. Первым – Строгов. Второй сзади, сбоку. В руке – ружье... короткое, без приклада...

Черный говорил, а сам смотрел вдаль. Как будто всматривался в глубину коридора, откуда приближался человек с ружьем в руке... убийца, у которого крепкий хребет. День был нерабочий, в коридоре горело только дежурное освещение, из полумрака приближался убийца. Сквозняком тянуло кислый запах пороха.

– Я тогда подумал, что сейчас и меня тоже убьют... Они подошли... стоят... молчат... Потом Игорь Васильевич говорит: поедешь с нами. Он был очень бледный. Вот как будто вообще ни кровинки в лице. Десять минут назад вошел нормальный человек, с улыбкой. А стал – как покойник... Поедешь с нами, говорит. Поехали... У Строгова – джип, «опель-фронтера». С водителем. Мы сели, поехали. Я сзади сидел, рядом с этим... Господи, думаю, куда едем? Зачем? И сам себя ругаю, что даже не догадался в журнале запись сделать: Строгов, мол, был...

Черный вдавил сигарету в пепельницу. Вынужденно, через силу улыбнулся.

– В общем, честно скажу: никогда в жизни так не боялся... Едем, а я даже не смотрю, куда едем... На Петроградской оказались, притормозили... Строгов говорит: мол, забудь все, что видел и слышал, и ступай обратно. Пивка по дороге дерни. Можешь и водочки стакан зацепить... А вернешься в офис – звони в полицию. Скажешь, что выходил пива попить, а когда вернулся – нашел в кабинете труп. Понял? Я говорю: понял.

– А тот, второй, говорил что-то?

– Нет. Сидел всю дорогу молча, держал свой обрез между колен... Кажется, жевал резинку.

– А водитель?

– А ему вообще до лампочки. Он ж не в курсах был – что там да как... Короче, я все сделал, как велел Строгов. Пришел в офис. Вызвал полицию. На удивление быстро приехали... Я им рассказал всё, как Игорь Васильевич научил. А они в ответ: ты что – дурак? Или нас за дураков держишь? Дескать, твое счастье, что ты человек в возрасте, да еще и капитан второго ранга. Иначе мы бы тебя носом в развороченный затылок Тищенко сунули... А вы тот затылок видели?..

Трупа Петрухин, разумеется, не видел. Но очень хорошо представлял, как выглядит голова человека после выстрела из обреза с близкого расстояния...

* * *

– ...Ф-фу!!! Накурили-то! Впору топор вешать! Неужели нельзя хотя бы раз в полчаса проветривать?!

Бесцеремонно вклинившись в процесс мужицкого мозгового штурма, на кухню, на правах хозяйки дома, заглянула младшая сестра Купцова – Ирина.

То была высокая, миловидная барышня, с не по годам развитой фигурой и несовременной, но совершенно очаровательной, цвета воронова крыла, косой, небрежно перекинутой через плечо. Эдакая селянка – кровь с молоком! – невеста как очутившаяся в урбанистиче-

ских унисекс-джунглях. На руках Ирина держала гладкошерстную рыжую кошку. Выражение морды которой свидетельствовало о глубоком неудовольствии вечерним визитом незнакомца, беспардонно оккупировавшего ее законную территорию.

– Мы проветривали! Буквально десять минут назад! – принялся смешно оправдываться Купцов. В делах бытовых и житейских своей деловой и дюже бойкой сестренки он, похоже, откровенно побаивался. Хотя по возрасту вполне мог годиться Ирине в отцы. В те, которые «по раннему залёту». – Вот честное слово! Правда, Дим?

– Истинно так! – улыбаясь, подтвердил Петрухин.

– Ну не знаю, как вы тут проветривали, – проворчала сестрица, – если вон Муську от дыма уже просто тошнит.

– Она сама виновата. Не фига ей тут под дверью тереться, мужские разговоры подслушивать.

– Ничего она и не подслушивает. Она есть хочет, а войти на кухню боится.

– Ленька, у тебя скотина не кормлена, а ты молчишь! Ладно, сейчас уладим. – Петрухин подхватил с тарелку жирный кусочек скумбрии и метко зашвырнул его в кошачью миску. – Гуляй, Маня!

Животина стремительно соскочила с хозяйских рук и пулей метнулась за деликатесом. Однако Ирина оказалась еще проворнее и перехватила кусок перед самым кошачьим носом. После чего строго зыркнула на Петрухина:

– Дмитрий Борисович! Да вы что?! Она ведь у нас только сухой корм ест. У нее на рыбу аллергия.

– У кошек аллергия на рыбу! Куда катится этот мир?

– Вот и я о том же! – угоднически поддакнул Купцов. – Совсем избаловала животное.

Презрительно фыркнув, Ирина подошла к настенному шкафчику, достала оттуда пакет с вискасом, отмерила в мисочку невеликую горку «кошачьего сухофрукта» и поманила кошку в комнату:

– Пойдем отсюда, Мусенька. И не слушай, что говорят эти глупые дядьки. У них от пива их дурацкого соображение совсем в отключке.

– Сеструха у тебя, оказывается, совсем невеста, – проводил их взглядом Петрухин. – В каком классе-то уже?

– Одиннадцатый. Через месяц – выпускные.

– Охренеть!.. Кстати, о «соображениях»: так что ты обо всем этом думаешь?

– Думаю, ты прав, Димон: скотство оно и есть.

– В каком смысле?

– Вот встретишь на улице морского офицера: черная форма, золото... Во, думаешь – о-го-го! Крейсер, субмарины. Мощь и гордость державы! А держава загнала его в клоповник с наркоманами и плюнула на него. А он теперь каждый день думает: изнасилуют его жену и дочку или только ограбят?.. Тьфу!

– А-а-а, вот ты о чем!.. М-да, товарищ майор, ваши благородные эмоции, в принципе, понятны, но к нашему делу прямого отношения не имеют.

– Что же касается нашего дела – обратно согласен. Похоже, охранник к этой паскудной истории действительно отношения не имеет. Из чего следует, что начинать нужно со Строгова. Ибо все равно более не с кого.

– Снимаю шляпу, Леонид Николаевич – ты прирожденный аналитик. Именно господином заместителем директора завтра, во второй половине дня, мы с тобой и займемся.

– А почему во второй?

– Потому что с утра Игорь Васильевич впервые после рабочей командировки в «Кресты» выходит на работу. В связи с чем я попросил Брюнета морально подготовить клиента к нашему визиту, основательно закошмарив. Мы же тем временем окучим водителя Строгова.

– Это того, которому, по словам Черного, «было все до лампочки»?

– Его самого. Кстати, водитель сей отдан нам Брюнетом в полное и безоговорочное рабство. И мы, как новые хозяева, просто обязаны донести до своего холопа новые права и обязанности...

6 мая 2011 года, пт

Земля в центре Питера – на вес золота, особенно в непосредственной близости к «панорамным» невских набережных. Так было при царе-батюшке, так осталось и при президенте-отчиме. По этой причине парковочка для машин сотрудников «Магистрали» была невелика и рассчитана всего на каких-то два десятка машин. Отсюда вполне предсказуемым стало возмущение водителя строговской «фронтеры», с утра обнаружившего на приколе перед офисом мало того что незнакомую, так еще и «абсолютно неприличную», по его мнению, синюю «девятку»...

...Водителя звали Николай Иванович Луканин. Лет сорока пяти, грузный, плотный, но при этом довольно подвижный, он являл собой классический тип профессионального «персонального» водилы. На дороге такие орлы, козыряя «козырными» номерами, любят катить в левом ряду и сигналить дальним светом: дескать, дорогу! Белый человек едет!

Луканин вылез из джипа, еще раз окинул презрительным взглядом «девятину» и собрался проследовать в офис...

– Николай Иваныч, – окликнул его Петрухин. – Здравствуйте... Меня зовут Дмитрий Борисович. Это про меня вам звонил Голубков.

– А... да-да... очень приятно. Виктор Альбертович мне сказал, что я... э-э-э-э... с сегодняшнего дня поступаю в ваше... хм... распоряжение.

– Угу. В наше. В мое и... Вот, знакомьтесь, Леонида Николаевича...

– Здравсте. Я... э-э-э... Чем могу... помочь?

Водила беспокойно обшаривал глазами подошедших к нему Петрухина и Купцова и совершенно не был похож на человека, который хочет кому-либо помочь. По крайней мере безвозмездно. И уж тем более – двум голодранцам на гнилой «девятке». Но в данном случае он имел приказ босса и изо всех сил старался держаться любезно... В общем, приятели раскусили водилу сразу: шестерка. Но – козырная шестерка!

– Перед тем как начать распоряжаться, нам с коллегой потребно поговорить с вами о событиях двадцать четвертого апреля.

– А... э-э-э-э... А что... двадцать четвертого?

– Неужто забыл? – фальшиво изумился Петрухин. – Ты же убийц в тот день по городу катал?

– А... ну да, ну да... Просто время-то идет, столько всего, знаете, происходит. Голова кругом, извиняюсь.

– Да, конечно: Светлое Христово воскресенье, яйца-крашенки, троекратные лобызания. Опять же масса других событий в стране – где ж все упомянуть? Особенно о каком-то заурядном убийстве в вашем офисе. Обычное дело – замдиректора отстрелили полголовы.

– А я – что? Я – ничего... Я в ментуре все рассказал. Вы у них спросите...

Луканин явно пытался включить дурака, и Петрухин резко сменил интонацию, дабы раз и навсегда «поставить холопа на место»:

– Значит, так, Коля-Ваня! Слушай меня внимательно! Я сейчас наберу номер Голубкова и растолкую ему, что ты гребешь нам мозги... И уже через пять минут после моего звонка тебя переведут на тот самый микроавтобус, из-за которого твой хозяин поссорился с завхозом. Смекнул?

Сработало!

- А я ничего, – быстро ответил водила. – Спрашивайте.
- Вот, другое дело. Давай-ка по порядку. Строгов тебя загодя предупредил, что в воскресенье придется поработать?
- Да. Он позвонил в субботу вечером и сказал: заезжай в десять тридцать.
- Это вообще как – обычная практика, работать по выходным?
- Ну да. Работа у нас такая: полночь – за полночь... выходной – не выходной. Пассажиру нужно ехать – значит, все! Водки, поверите ли, выпить некогда...
- Понятно: не жизнь – а сплошные муки... Когда ты забирал Строгова из дома, он был один?
- Так точно.
- Он не показался взволнованным, нервным? В плохом настроении?
- Нет, все было нормально. Я подъехал, Игорь Васильевич вышел из дома, и мы поехали в офис.
- Мужчина в пальто и шапке подсел по дороге?
- Да.
- Где именно?
- На Васильевском.
- Точнее определись.
- На Малом проспекте.
- Поехали.
- Куда?
- Отвезешь нас на то место, где вы подобрали мужика в пальто. А по дороге продолжим наше приятное общение...

* * *

Дальнейший диалог-допрос продолжился уже в движении. Во время многочисленных музыкальных пауз, которые Луканин брал на обдумывание ответов на каверзные вопросы «знатоков», Петрухин поглядывал на мелькающий за окошком открыточный питерский пейзаж и невольно ловил себя на мысли, что из окна джипика мир всё ж таки выглядит несколько иначе, чем из ментовского «уазика». В глубине души экс-оперативник испытывал сейчас давно подзабытое чувство удовлетворения. ОТ СВОБОДЫ! От сознания того, что он, пожалуй, впервые в жизни едет делать то дело, которое умеет и хочет делать. И при этом полностью свободен от необходимости каждый свой шаг «закрывать» бумажкой, которые позже будет проверять очередной идиот проверяющий. К слову, примерно схожие чувства испытывал в данный момент и экс-следак Купцов...

- ...По дороге они о чем говорили?
- Ни о чем. Этот... который в пальто... сидел как истукан, жевал резинку.
- Описать его можете? – поинтересовался с заднего сиденья Леонид.
- Ну, это... строгий такой, с вас ростом. Да я его и не разглядывал. Зачем он мне? Голодранец какой-то...
- А что значит «строгий»? – уточнил Петрухин.
- Луканин задумался, подбирая слова:
- Такому человека завалить – как два пальца обрызгать. Волчара!
- С чего вдруг такие далеко идущие выводы?
- Да уж видно. Я ведь в такси когда-то работал. А там – всякого насмотришься...
- Хорошо. Вы приехали в офис. Дальше?

– Они ушли, я сижу жду. Минут десять прошло – выходят. Третьим с ними наш охранник, Черный, – глаза как у окуня. А у мужика в руках ружье. Короткое. Типа обреза...

– А как сам-то шеф? Тоже «как у окуня»?

– Не помню... не скажу. Но белый был как мел, это точно... Ну я их отвез. Сначала Черного на Петроградке высадил, а потом этого. Который в пальто...

В конечном итоге рассказ водителя в целом совпал с рассказом Черного. Действительно отвезли моряка на Петроградскую, к метро. Там проинструктировали, велели идти в офис. Затем Строгов приказал и водителю выйти из машины. Николай Иванович вышел и минут десять терпеливо курил в сторонке, пока хозяин и убийца (а убийца ли?) беседовали в салоне. Потом они отвезли незнакомца на Васильевский.

– Куда именно? На Васильевском? – спросил Купцов.

– Да куда же? Где брали, туда и отвезли – на угол Малого и Четвертой линии.

– Там и расстались?

– Там.

– А как Строгов попрощался с неизвестным?

– Никак... Тот буркнул: здесь останови. И – вышел. Все.

– Дальше что? – продолжил перекрестный опрос Петрухин.

– Дальше? Отвез я Игоря Василича домой.

– О чем-нибудь говорили с шефом по дороге?

Луканин изобразил работу мысли. По недовольному лицу было видно, что севшая на хвост парочка ему определенно не нравится – не привык он к таким пассажирам. Ну да его мнением и симпатиями никто особо не интересовался! Брюнет накануне приказал: поступаешь в распоряжение Дмитрия Борисыча, и точка! А у Брюнета не забалуешь.

– Нет... не говорили... Игорь Васильевич сказал только, чтобы я об этой поездке вообще забыл. Там, мол, в офисе-то, вышла НЕПРИЯТНОСТЬ. Ты, говорит, Коля, забудь. Ты, мол, день дома провел, с семьей... О! Приехали! – встрепенулся Луканин, останавливаясь неподалеку от перекрестка. – Здесь мы его ждали.

– Нам нужно, Николай Иванович, чтобы ты поставил машину точно так, как она стояла в тот день. В идеале метр в метр.

– Тогда... вперед маленько. Вон там, напротив рекламы с банками.

Коля-Ваня передвинул джип метров на шесть-семь вперед. Принципиального значения эти метры не имели, но Петрухину хотелось воссоздать картинку в предельной полноте. Разумеется, это было невозможно, но попытаться приблизиться к идеалу стоило попробовать. Кстати сказать, упомянутая Луканиным креативная, наводнившая город относительно недавно социальная «реклама с банками» у бывшего «мусора» Петрухина неизменно вызывала улыбку: на большом, пять на три, постере были изображены накинанные рядом с урной смятые алюминиевые банки из-под напитков и прочие символизирующие людское свинство отходы. Крупная размашистая надпись под этим пейзажем жизнеутверждала, что, оказывается, «У МУСОРА ЕСТЬ ДОМ!».

– Итак, Николай Иванович, в воскресенье, двадцать четвертого апреля, около десяти сорока пяти ты в компании своего шефа остановился здесь в ожидании неизвестного тебе человека. Долго ждали?

– Нет. Минуту-другую.

– Хорошо. Откуда он появился?

– Сзади подошел. Подошел и сел в правую заднюю дверь.

– Хорошо... Ты его издали увидел?

– Да я не смотрел... зачем он мне?

– Ясно. А вот скажи: может быть, он на машине подъехал? Не было какого транспорта сзади? Легкового, грузового – все равно. Хотя на этой стороне улицы, хоть на противоположной?

Водила призадумался, вспоминая.

– Нет, – сказал он наконец. – Кажется, не было... У «опеля» боковой обзор хороший. Не зеркала – лопаты. Кажется, никого не было.

– Ладно, кури пока, – распорядился Петрухин. – А мы с Леонидом Николаевичем выйдем ненадолго, ножки разомнем.

Приятель выбрался из «опеля» и, не сговариваясь, двинулись назад. Туда, откуда пришел убийца с обрезом под полый плаща. Туда, куда он потом ушел...

* * *

Два часа спустя выезжавшие на рекогносцировку местности Петрухин и Купцов сидели в кабинета Брюнета. Официальное представление напарника работодателю прошло в деловой, дружеской обстановке («Рад. Весьма рад. Надеюсь, мы вместе хорошо поработаем. Для меня рекомендация Дмитрия Борисовича... хм... дорогого стоит») и завершилось дегустацией элитного французского коньяка.

После того как все контрактно-подрядные формальности были улажены, Брюнет выкрикнул по селектору секретаршу и затребовал доставить на очередное *правилово* счастливо освободившегося, хотя и невыездного теперь, вице-президента «Магистрали»...

...Господин Строгов, еще не отошедший от утренней выволочки, устроенной ему Брюнетом в соответствии с пожеланиями Петрухина, выглядел подавленным. А вот Виктор Альбертович, напротив, едва только компаньон пересек порог директорского кабинета – и оживился, и возбудился:

– Вот, господа, полюбуйте на красавца! Строгов. Игорь Василич. Мой заместитель и, можно сказать, соратник. Так душой за дело скорбит, что прямо мама Леля. Расстреливает нерадивых сотрудников не отходя от кассы.

– Виктор! – поморщился вице-президент.

– Что – Виктор? Я уже сорок лет Виктор! Но ни разу за сорок лет мне так в карман не гадили, Игорек! В моей биографии всякое было. Вон, Борисыч не даст соврать... Всякое было, но такой мажорчик еще не лабали. Партитуры такой в природе нет!

– Но я же не мог знать, что так получится! – как-то очень по-детски, разве что не шмыгая носом запричитал Строгов. – Я же не хотел, Витя!

– Это никого не гребет, Игорь! Вот это ты видел? – Голубков взял лист бумаги и брезгливо толкнул его по полированной столешнице. – Это факс из Хельсинки. От Москвцева. Позавчера пришел. Когда ты в «Крестах» отдыхал... Пересравшиеся финны, дорожа, в отличие от тебя, деловой репутацией, подписали контракт не с нами, а с Харламычем!.. Ознакомься, пощелкай куркулятором и прикинь, на какую сумму мы пролетели. Из-за твоего «я не знал, что так получится»... А вот еще! – Следом за листком по столу прошуршала газета. – Прочти, будь ласка, про то, как «криминальное прошлое господина Голубкова явно не желает его отпускать».

– Но... но ведь это чистой воды недоразумение! Меня... меня же освободили! Все кончилось!

– Мудак! – сказал Брюнет почти ласково. – Конченный мудак! Все только начинается. Главбуха дергали в УБЭП. Меня вчера три часа парили в следственном. Знаешь, что сказали? Что будут меня долбить, пока я не сдам своего мокрушника. – Втянувший голову в плечи

Строгов более не пытался возражать: просто смотрел в ковровин и обиженно пыхтел. – Все! Сейчас ты все расскажешь Дмитрию Борисычу и Леониду Николаичу.

– Зачем?!

– Затем! – рывкнул Голубков.

Несколько секунд партнеры по бизнесу глядели друг на друга. Потом Строгов отвел взгляд, вытащил из кармана пиджака блестящую упаковку таблеток, отделил одну и положил в рот.

– Я не могу сейчас. У меня... голова болит. Очень.

– Если у кого в этом кабинете по-настоящему и болит голова, так это у меня! Причем уже две недели кряду.

Виктор Альбертович сердито выбрался из-за стола, подтолкнул Строгова к диванчику, на котором сидели сыскари-наемники, а сам направился к выходу. – Всё! Я к налоговикам. Между прочим, Игорек, это тоже – твоими стараниями!..

Дверь за Брюнетом с грохотом захлопнулась, и Строгов настороженно уставился на незнакомых мужиков.

– Присаживайтесь, Игорь Васильевич, – по-хозяйски великодушно предложил Петрухин. – В ногах правды нет. А она сейчас – ой как потребуется.

– Я... я вас не вполне понимаю.

– Ничего страшного, объясним.

– Я буду разговаривать с вами только в присутствии адвоката! – скорее пискнул, нежели громыхнул, вице-президент.

– О как? К слову, а кто у нас адвокат?

– Александр Моисеевич Штурм.

– Ба! Старик-Штурмовик! Я ж его отлично знаю! – встрепенулся Купцов. – Редкий жучила! Редкий и жутко дорогой! Но профессионал – что есть, то есть.

– Душный вы человек, Игорь Васильевич, – проворчал Петрухин. – Адвоката!.. Глупости всё это, не потребен нам с вами никакой адвокат. Потому как мы с коллегой и сами – те еще жучилы... Да вы садитесь-садитесь... Вот хорошо... Начнем, пожалуй, с самого простого: где вы были в промежутке с полудня 24-го вплоть до момента добровольной сдачи в руки полиции? Зачищали следы-хвосты?

– Какие еще хвосты? Я... я был...

– Дома вас не было. Трубка была отключена... А может, вы намеренно ввели в заблуждение водителя и, отпустив его, воссоединились с подельником?

– Каким еще подельником? Никого я никуда не вводил... Я... я... Я был у одной женщины.

– Приятно слышать, что в среде топ-менеджеров сохранились мужчины с правильной ориентацией, – хмыкнул Купцов.

– Что за женщина? Телефон? Адрес? – тут же взял быка (вернее, корову) за рога Петрухин. Чем несказанно возмутил вспыхнувшего праведным гневом Строгова:

– Послушайте! Это, в конце концов, не ваше дело!

– Наше, голуба! Наше. У нас с вами, Игорь Васильевич, дело одно и общее. Пока вы не оказались причастны к убийству – да! То было ваше личное дело... Но теперь – все обстоятельства вашей жизни мы будем изучать под микроскопом. Ну?!

Поняв, что яростная гордость не проканала, Игорь Васильевич попытался нажать на педаль мужской солидарности:

– Поймите же! Как мужчины мужчину! Мне не хотелось бы... – Строгов осекся, поймав на себе суровый взгляд Петрухина, и... сдался. – Черт с вами! Ее зовут Ольга Викторовна. Телефон 909-43-54... Только... я вас умоляю... Она замужем.

– То есть вы хотите сказать, что звезды легли столь удачно, что именно в пресловутое кровавое воскресенье супруг Ольги Викторовны анекдотически убыл в командировку? Или вы всю ночь романтически прогуливались под полной луной?

– Мы провели эту ночь на Рихарда Зорге. Я... Я, видите ли, купил однокомнатную квартиру... специально, чтобы встречаться с ней.

– Не слабо! Широкий ты мужик, Игорь Васильевич!.. Да, а в какое время вашу пассию можно застать дома так, чтобы не встретиться с ее мужем?

– Днем. Она не работает. Давайте я ей позвоню, и вы сами убедитесь, что..

– Звонить ей не нужно. По крайней мере сейчас. Кстати, адресок вашего любовного гнездышка будьте любезны.

Строгов могильным голосом продиктовал, а Купцов старательно записал.

– Замечательно. Ключи от хаты будьте любезны.

Вице-президент «Магистрали» вытащил из кармана связку, снял с кольца два ключа, демонстративно швырнул на столешницу.

– Идиотство какое-то! Вы ведете себя хуже ментов!

Прятели обменялись лукавыми взглядами. Мол-де, интересно: это комплимент или как?

– Мы с Леонидом Васильевичем сейчас выйдем, пошепчемся. А пока мы отсутствуем, вот вам домашнее задание. Напрягите память и постарайтесь детально вспомнить, когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с вашим злым гением. Кстати, как его звали?

– Саша, – вздрогнув, автоматически ответил Строгов. Тут же укорив себя за то, что на испуге выболтал настоящее, а не вымышленное имя.

– Прекрасно. Вот о Саше и поговорим. И учтите – отмазки на амнезию приниматься не будут!..

* * *

Оставив Игоря Васильевича готовиться к следующему уроку, партнеры покинули директорский кабинет, миновали приемную с Аллочкой, ее ногами и (у-ух!) выпуклостями и вышли на перемену в просторный холл. Обилием зелени и солнечного света тот напоминал более зимний сад, чем нежилое офисное пространство. До кучи к пышной растительности здесь, в просторном террариуме с песком, камнями и водоемом, нежились две крупные черепахи...

– ...Интересно: Брюнет этих зверюг для эстетики держит или на суп откармливает? Для VIP-гостей?

– Черепаха не зверюга. А пресмыкающееся, – педантично заметил Купцов.

– Пресмыкающееся кто?

– Без «кто». Просто.

– Да? Ну тады мы с тобой, по нынешнему своему статусу, недалеко от черепах ушли. Тоже просто пресмыкающиеся. Перед заказчиком, – хмыкнул Петрухин. – Ладно, скажи-ка мне лучше, мой юный натуралист, что ты думаешь о нашем вице, не побоюсь этого слова, преЗЕРденте?

– А что тут скажешь? Любопытно.

– Всегда поражался глубокости твоих оценок, Леонид Николаич.

– Это правильно!.. Ты, Петрухин, молод еще. Опять же – я следователь. А ты кто? Тьфу, опер! Учись у мудрого сыскаря, мальчишка.

– И что обо всем этом думает наш мудрый пескарь?

– Сыскарь – а не пескарь! – думает: а не сам ли Строгов, часом, стрелял в Нокаута?

- Хлипковат, – с сомнением покачал головой Петрухин.
- Хлипковат. Но ведь молчит. А десять суток отбарабанил... Такие ребятишки, как правило, ломаются. А он свое гнет.
- Это его твой знакомец, адвокат-жучара, настропалил. Мол, гни, Игорек, свою линию – и ничего не будет. Без парня в пальто доказать что-либо крайне затруднительно...
- Может, и так.
- Ладно, ты продолжай прокачивать Игорька, а я, пожалуй, оседлаю нашего Колю-Ваню и поеду, познакомлюсь с Ольгой Викторовной, пока ейный муж с работы не вернулся. А потом проскочу в адрес на Зорге. Надо проверить: только ли для любовных свиданий квартира использовалась? Ну как там и нашего Икса следы сыщутся?
- Вот так всегда: как к бабе, так... А Купцову вечно достаются всевозможные моральные уроды и конченные упыри.
- Ты же сам только что похвалялся премудростью! – усмехнулся Петрухин. – Вот и давай, тряхни серым веществом. Коли этого героя-любовника. Тем более, всякие там вице-президенты – это всяко ваш подследственный контингент. А мы, коты помойные, все больше по люмпенам да уркаганам работаем.
- Угу. И по бабам.
- Вот сдалась тебе эта Ольга Викторовна! Может, она вообще того... страшная? И безмозглая, как... – Петрухин задумался, подбирая устрашающую аналогию. С ходу таковой не нашел, потому ограничился наболевшим: – ...Как реформа МВД?
- У вице-президента, и вдруг страшная?
- А чего такого? Думаешь, среди этой публики мало всяких там сексуальных извращенцев?..

* * *

Пока партнеры вели свой дискурс о красоте и уродстве на фоне морских черепах, в директорском кабинете откровенно страдал и обильно потел Игорь Васильевич Строгов. Бесцеремонно выпитое у него Петрухиным имя Саша безжалостно загрузило в вице-президентский мозг файлы неприятных воспоминаний о первой встрече с дерзким парнем.

Флешбэк

В тот вечер они с Ольгой возвращались с дачи. Стояли последние дни марта. Было оттепельно, свежо. Пахло весной, снег на полях лежал голубоватый в наступающих сумерках. Сумерки густели, и ярко освещенная заправка вдали казалась маленьким уютным островком. Одним словом – лепота!..

- ...Котёнок! Надо заправиться. Да и отлить не мешало бы.
- И попить кофейку.
- И попить кофейку, – кивнул Строгов.
- «Бээмвуха» вкатилась на берег острова. Игорь Васильевич вышел из машины, открыл бак и вставил пистолет в горловину. К запаху талого снега примешивался запах солянки. Это сочетание всегда его волновало, напоминало о лейтенантской молодости на Северном флоте. Негромко гудела колонка, еле слышно доносился из салона голос стремительно вошедшей в моду французской певицы Zaz – «Котёнок» ее просто обожала.

Строгов невольно улыбнулся. Сейчас ему было безумно хорошо от наступившей вдруг весны, от волнующего запаха солярки, от Ольги... Он улыбнулся, на пару секунд ощутив себя молодым лейтенантом.

Игорь Васильевич вытащил пистолет, завернул горловину и пошел платить. Боковым зрением он увидел, как из машины, поживаясь, выбралась Ольга. Чтобы не стоять на холоде, она направилась напрямик в павильон заправки, в одном крыле которого располагался магазинчик, а в другом – кафешка. Как же она сейчас была хороша! В своем стильном лисьем полушубке, который ей подарил Строгов. Мужу она сказала, что выиграла деньги в казино. Игорь Васильевич снова улыбнулся, вспомнив, что под полушубком у Котёнка лишь полупрозрачная, купленная в секс-шопе комбинация, чулки да ажур на резинках.

Строгов подошел к стойке и вытащил бумажник. В этот момент к соседней колонке подкатил пятисотый «мерин», из которого, гогоча, вывалились два амбалообразных, явно не обремененных интеллектом моральных урод в кожанках. Пока первый доставал что-то из багажника, второй, продолжая гоготать, припустил следом за Ольгой, откровенно плясая на ее ноги.

Игорь Васильевич нахмурился. Давненько вращаясь в бизнес-класса эмпиреях, он, признаться, думал, что подобного рода персонажи окончательно и бесповоротно самоликвидировались как класс. А вот – поди ж ты! Оказалось, что не всех еще посадили да перестреляли. Остались-таки на местах отдельные интерактивные экспонаты.

Тем временем испуганная Ольга торопливо заскочила в кафе, а преследовавший ее «бычок» свернул в магазин. Строгов облегченно выдохнул, но уже в следующую секунду получил ощутимый тычок в спину, вследствие которого оказался оттерт от окошечка кассы.

– За мной будешь! – бухнул ему в затылок противный хриплый голос.

– В чем дело??! Между прочим, я подошел первым! – возмущенно обернулся Игорь Васильевич и уперся взглядом в «бычка № 2».

– Мы спешим, брателло, – пояснил тот, отмахнувшись от Строгова словно от назойливой мухи. Никуда он, ясное дело, не спешил, а преспокойно заплатил за бензин и следом за своим товарищем отправился шататься по магазину.

Вице-президент крупной промышленной корпорации почувствовал себя так, словно бы ему сейчас смачно харкнули в лицо. Игорь Васильевич был морально унижен и раздавлен. Его оттолкнули... оттолкнули как щенка! Отодвинули. Пихнули локтем. И кто? «Урод. Качок. Харя бритая! – бешено колотилось в кипящем и возмущенном строговском мозгу. – А ведь, между прочим, я – офицер! Да раньше за такие вещи на дуэль вызывали!..» Самое обидное, что умом Игорь Васильевич прекрасно понимал, что в подобной ситуации и сделать-то ничего нельзя. Ну не драться же в самом деле с этими быдлаками? Глупо. Глупо, глупо... Вот ведь как: плюнули в морду и... – и ничего не сделаешь. Оставалось только утереться...

...И тут раздался крик. Женский крик. Через магазинное стекло Строгов увидел сначала перекошенное, испуганное лицо девушки на кассе, а затем мелькнувшую в воздухе ногу – профессионально выброшенную, бьющую в корпус давешнего обидчика. И вот уже «бычок № 2» летит спиной между стеллажами, падает, и на него начинают сыпаться какие-то товары с полок. «Браво!» – мысленно заплодировал Игорь Васильевич автору удара, молодому парню лет двадцати пяти. Строгов еще не знал, что там, в магазине, произошло между этим двумя, но в любом случае симпатии его были, безусловно, на стороне «каратиста». А тот меж тем изящно разбирался с другим «качком». С этим мужик вообще не стал заморачиваться, а просто подхватил со стеллажа аккуратную, на финский манер, вязаночку дров для камина и швырнул ему аккурат в голову. В лицо. Вернее – в харю. Ни секунды не думал. Взял – и метнул! Дрова! В харю!.. «Ай, бравушки!»

Вот при таких экстремальных обстоятельствах Строгов впервые увидел Сашу Матвева. Увидел и сразу понял: вот это – человек! Вот это – характер!..

...Минут через пять они с Ольгой сидели в кафешке и пили отвратительный эспрессо. Котёнок бросала на своего спутника призывные взгляды, игриво приоткрывая полущубок и демонстрируя телеса, однако снедаемый душевными терзаниями Игорь Васильевич на провокации не велся. На бывшего флотского офицера накатило порядком подзабытое чувство стыда. Умом он понимал, что не смог дать адекватного отпора негодяю не потому, что элементарно растерялся от непривычного неприкрытого хамства, а потому что ему было элементарно слабо. И сейчас осознавать сей факт ему было дико неприятно.

Открылась дверь, и в кафешку вошел тот самый «каратист». Он заказал себе зеленый чай, огляделся, предсказуемо скользнул взглядом по Ольге, и та, к неудовольствию Игоря Васильевича, одарила его кокетливой улыбкой. Ощувив укол ревности, Строгов нахмурился было, но скоренько взял себя в руки и радушным жестом пригласил мужчину присоединиться к их столику. Продолжая пожирать глазами Ольгу, тот, столь же предсказуемо, приглашение принял.

– С вами все в порядке?

– Вполне.

– А те двое? – с легкой тревогой спросила Ольга.

«Каратист» беспечно отмахнулся:

– Охранник вызвал им «скорую». Думаю, амбулаторное лечение пойдет им только на пользу... Кстати, Саша.

– Игорь. А мою спутницу зовут Ольга.

– Очень приятно.

– А здорово вы разделали их, Саша, – с легкой завистью сказал Строгов.

– Да, ерунда. Не бойцы – смазка для штыка.

– Вы спортсмен?

– Был когда-то.

– А сейчас, извините, чем занимаетесь?

– Чем придется. Сейчас – фактически безработный. А до кучи – без пяти минут бомж.

– Ну на бомжа-то вы, допустим, не очень похожи, – улыбнулась Ольга, снова к вящему неудовольствию Строгова.

Однако уже в следующую секунду рациональное взяло в нем верх. Игорь Васильевич подумал, что при случае этот мужик может оказаться полезен, а потому поспешил уточнить:

– Так что, вы, Александр, совсем без работы?

– А вы, Игорь, можете что-то предложить?

– Э-э-э... Ммм. Не знаю... возможно. В любом случае, думаю, нам стоит обменяться координатами.

– Да у меня с питерскими координатами пока не очень. Вот, буквально сейчас жилье себе подыскиваю. – Он принял строговскую визитку, сунул ее в задний карман джинсов. – Но, в любом случае, благодарю. Как только обустроюсь, сразу позвоню...

* * *

– ...Ну как, Игорь Васильевич, к домашнему заданию подготовились? – весело поинтересовался возникший на пороге кабинета Купцов. Погруженный в неприятные воспоминания Строгов испуганно вздрогнул и обхватил лицо руками. Словно бы опасаясь, что Леонид сумеет прочесть в его глазах ответы на интересующие его вопросы.

Купцов пересек кабинет, по-свойски уселся в начальственное кресло:

– Искренне надеюсь на вашу откровенность.

– Я... я уже все рассказал. И Брю... И Виктору. И полиции. Больше мне добавить нечего... К слову, даже у следствия ко мне больше нет претензий.

– На самом деле они есть. Просто следователь обязан исходить из презумпции невиновности: выслушивать вашу ложь и – если не может доказать обратное – считать ее истинной. Я же не скован этими нормами и берусь доказать, что вы лжете. Возможно, это не будет доказательствами в юридическом понимании, но на житейском уровне – вполне!

– Я не понимаю: что вам еще от меня нужно?

Строгов слегка ослабил узел галстука.

В общем и целом держался он сейчас спокойно. Внешне спокойно. Однако за внешним бывший следователь Купцов отчетливо различал напряжение внутреннее. И он знал, как добиться того, чтобы оно от вопроса к вопросу повышалось, достигнув к финалу беседы критической массы.

– Ну хорошо. Давайте начнем... с середины. С вашего знакомого «решительного парня». Как – для начала – его полное имя?

– Саша... э-э-э-э... Александр Трубников.

– А почему Трубников? Потому что вы торгуете трубами?

– Послушайте! Какая тут связь? – возмутился Строгов.

Купцов посмотрел на него снисходительно:

– Возможно, никакой... Просто создается впечатление, что вы ляпнули первое, что крутилось в голове: трубы – Трубников. Но это так, к слову. Итак, допустим, его зовут Александр Трубников. Где, когда, при каких обстоятельствах произошло ваше знакомство?

– В баре «Трибунал»... э-э... в начале апреля.

– Часто там бываете?

– Нет. Случайно днем заскочил кофейку попить.

– Ага... кофейку. И что Трубников?

– Н-ну... я сидел за столиком, пил кофе, – сбивчивыми мазками принялся рисовать мизансцену Строгов. – Читал газету... Он подошел, попросил разрешения присесть... Завязался разговор...

– И о чем же завязался разговор?

– Черт знает что! – раздраженно крикнул Игорь Васильевич. – О футболе!

– Так вы болельщик?

– Представьте себе!

– Представляю. Вот только «Трибунал» – не пивнуха, где алкаши запросто подходят к столику... Извините, но вы не очень-то тянете на человека, который заводит знакомства в баре с людьми не своего круга.

– Не понял?!

– Поняли, Игорь Василич, поняли... Некий голодранец, как выразился ваш персональный водитель о Трубникове, подсаживается к вашему столику. Вам это не нужно, вам это неприятно, вас это раздражает. Какой же у вас может сложиться разговор?

– Я повторяю: мы говорили с ним о футболе, – упрямо парировал Строгов. – Саша подошел и сказал, что по радио сообщили о победе «Зенита». Я тему поддержал.

– А с кем играл в тот день «Зенит»? С каким счетом победил?

– Представьте – забыл! После всех этих событий, после того как меня десять суток продержали в тюрьме с уголовниками... забыл!

Строгов окончательно распустил узел галстука, и Леонид улыбнулся ему дружески. Или почти дружески:

– Не беда, Игорь Василич. Поинтересуемся календарем игр и узнаем, когда, где и с кем играла ваша любимая команда в начале апреля. И таким образом установим дату и даже

время вашего якобы знакомства с неким Сашей Трубниковым. Хотите прямо сейчас это провернем? – Купцов кивнул на лежащий на столе Брюнета ноутбук. – Разбудим директорское «эплочко», да и загрузим официальный сайт ФК «Зенит»?

– Я не понимаю, какое это имеет отношение...

– За то время, что вы просидели в баре, вы пользовались телефоном?

– А куда от него денешься? – не чуя подвоха, посетовал Строгов.

– Прекрасно! Зная дату и время, мы определим по вашему телефону, в каком месте вы находились... Разумеется, сотовый оператор не даст ответ: «Строгов сидел в „Трибунале“». Но указать ваше место на карте города с более-менее высокой степенью точности мы сможем.

– Ну и что? – нервно сглотнул Игорь Васильевич. – Зачем вы мне все это говорите?

«Пора повышать интонационный градус», – решил Купцов и зашел с не вполне явных, но козырей:

– А за тем, чтобы вы поняли: ваша ложь не самого высокого качества! Для обычного следака она вполне годится. – Леонид рывком поднялся с кресла, подошел к диванчику и навис над пришибленным Строговым. – А вот нам важно раскрыть дело фактически! А потому вашу ложь мы будем проверять неформально, дотошно и нудно и все равно докапаемся до истины. Мы узнаем, что произошло в офисе двадцать четвертого апреля. И вот тогда... Слушай, Строгов, не дури – Расскажи все сам!

– Я рассказал всё как было.

– Что – решительного парня боишься?!

Вице-президентские губы затряслись – похоже, невинный вопрос Купцова угодил сейчас в самое «яблочко». Но не в то, которое производства заморской фирмы «Apple», а... Как бы это покрасивше выразиться-то?.. Короче, которое у офицеров вечно под прицелом...

* * *

Под занавес «It's been a hard day's night...» концессионеры приватного сыска встретились за столиком в пивной «высшей наценочной категории». «Музыку» и пиво заказывал, естественно, Петрухин, накануне получивший от Брюнета более чем щедрый аванс. Кстати сказать, Купцову в этом ценнике и посередь местной гламурной публики было не шибко комфортно. Безусловные вкусовые качества пенного напитка в его сознании были прочно заблокированы шокирующим, по меркам Леонида, прейскурантом. Всякий раз, когда коллега подзывал миловидную официантку с требованием «обновить», он внутренне содрогался и невольно суммировал возрастающий общий счет, прикидывая, сколько всего полезного и необходимого мог бы прикупить на эти деньги. Особенно теперь, с учетом неминуемо надвигающегося Иркиного выпускного...

– ...В общем, с Ольгой и с хатой ихней, для утех любовных, пустышку вытянули, – продолжал делиться результатами и впечатлениями Петрухин. – Не было там никакого парня с крепким хребтом. Там, судя по ровному слою пыли, последние десять дней вообще никто не появлялся. Но, к слову, – он мечтательно зажмурился, – баба у Строгова на пять баллов! Такая, знаешь, типичная стерлядь.

– Кто-кто? – удивленно переспросил Купцов.

– Стерлядь. Женщина с тяжелым характером, но легкого поведения...

– Ну ты прям ихтиолог!

Теперь настал черед изумиться и Петрухину:

– Чего я?

– Ладно, проехали. Так что тебе сказала не золотая, но рыбка?

– По словам Ольги, Строгов позвонил ей вечером двадцать четвертого и попросил срочно приехать. Когда она заявила на квартиру, Игорь Василич был уже критично нетверез: нёс сплошь бред, говорил, что невиновен, а «Саша его подставил». Вскоре пьяный заснул.

– Какой Саша? Тот самый?

– Вообще-то Ольга решила, что речь идет о твоём знакомце-адвокате. С героической фамилией Штурм. Однако думается мне, что в данном случае все-таки имелся в виду наш мистер Икс. Потому как: что у трезвого на уме – у вдупель пьяного на языке... Ну а что у тебя? Как вел себя наш вице-през?

– Ушел в глухую несознанку. Судя по всему, этот Саша запугал его по самое не могу... Короче, с этой стороны полный тухляк.

– А с какой не тухляк?

– Ну, во-первых, после беседы с Игорьком я смотался к Денису Ивановичу.

– Ху ис?

– Свириденко. Мой старый знакомец из УСТМ.

– Хм... Полезное знакомство. И что Денис Иванович?

– Я в общих чертах обрисовал ситуацию, и он пообещал подогнать распечатки входящих-исходящих звонков Строгова за последние два месяца... Так что готовь пять сотен бакинских.

– Не вопрос! – пренебрежительно-купчески отмахнулся Петрухин. – Другое дело, я не шибко уверен в успехе. Строгов, при всех своих тараканах, не производит впечатление идиота. А потому, если и поддерживал связь с Сашей, то звонил ему не с официально зарегистрированной мобилы.

– Согласен, но проверить все равно нужно. А теперь второе. – Купцов вытащил из внутреннего кармана смятый, многое в этой жизни повидавший блокнот. – Смотри, что получается. – Он раскрыл блокнот и начал быстро накидывать схему. – Это пересечение Малого проспекта и 4-й линии. Вот здесь – обозначаем крестиком – Строгов подобрал утром двадцать четвертого Сашу Трубникова. – Леонид словил недоуменный взгляд Петрухина и пояснил: – Так его называет сам Строгов.

– О как? Хорошо, пусть будет Саша Трубников. Тем более что давно пора дать ему какое-то имя. А то мы заладили – Икс да Икс... А так – Трубников. Интересно, если бы «Магистраль» торговала джинсами, Трубникова звали бы Леви Страус? Но не суть. Слушаю тебя.

– Вот здесь они выбрали Сашу.

– Хочешь сказать, что он там живет?

– Я думаю, что он пришел из этих домов.

– А ты, случаем, сейчас не выдаешь желаемое за действительное?

– Объясняю: день на Пасху, если помнишь, был очень жаркий. Но Саша все равно явился в пальто... и... в кроссовках, что само по себе не очень сочетается. Но для нас главное – длинное пальто.

Петрухин задумался, переваривая услышанное.

– Ружье? Ты думаешь – ружье?

– Конечно! Он пришел с ружьем... Или с обрезом – сейчас это не суть важно. Важно, что он принес ствол. Болтаться по городу с оружием никакого резона нет. Значит, хранил где-то рядом... Если бы он пришел с противоположной стороны – тогда да, проблема. Там и парк, и целый жилой квартал А здесь, – Купцов ткнул ручкой в схему, – всего-то три дома.

– «Всего-то»! – передразнил приятеля Дмитрий. – Между прочим, это минимум несколько сотен квартир.

– Если быть точным – двести четыре. Я уже проверил по адресной базе.

– Ишь ты! Наш пострел везде поспел... М-да... По идее – работа для целой бригады... Нормальный такой оперской геморрой... Но меня сейчас больше другое заботит. Если принять за основу твою версию, это здорово меняет расклад. Мы ведь исходили из того, что ствол принадлежал покойному Нокауту. А допуская, что Саша принес ствол с собой...

– Хочешь сказать, он был заранее настроен на убийство?

– Сомнительно, чтобы Саша изначально затевал убийство прямо в офисе. Скорее всего, ствол он взял, чтобы просто попугать Нокаута. Возможно, даже не собирался его доставать. Но потом что-то пошло не так, не по сценарию...

– Очень может быть, – согласился Купцов. – Так или иначе, но версия Строгова идеальна тем, что опровергнуть ее нельзя. Из трех непосредственных участников событий один вице-през и говорит. Другой мертв, третий скрывается.

– Значит, будем искать третьего! – возбужденно подвел итог Дмитрий. – Он решителен, хладнокровен, вооружен. Строгов вышел – «ни кровинки в лице». А этот жевал резинку и спокойно прихватил с собой ружье, хотя мог и скинуть... Конечно, не факт, что он снимает хату в этих домах. Он мог приехать и на машине. Оставить ее и пройти пешком... А если даже и жил там, после убийства наверняка сменил адрес...

Выряженная в эксклюзивную, стилизованную под униформу баварских разносчиц пива пышногрудая официантка сгрузила на стол очередную, Купцов уже сбился со счета какую, пару кружек, и Леонид, не в силах более терпеть подобного мотовства, болезненно выдохнул о своем:

– Димон, тут такое дело... У Ирки выпускной на носу... Надо за платье начинать думать, туфли, то-се... А у меня сейчас, как назло... Короче, ты не мог бы... Что-то типа аванса в счет будущего... Раз уж мы с тобой...

Окончательно смутившись, Купцов покраснел и стыдливо примолк.

– Бли-ин! Ленька, молодец, что напомнил. А то я, по правде сказать, малость затупил... Конечно. – Петрухин достал из кармана денежную «котлету», на глазок поделил ее пополам и протянул одну часть напарнику: – Вот, держи. Это на оперрасходы и на поддержку штанов.

– Спасибо, дружище.

– А мне-то за что? – весело подмигнул ему Дмитрий. – Это Брюнету низкий поклон... Ну так чего? Завтра с утра подрываемся на поквартирный обход?..

– Прежде чем отправляться, к нему надо подготовиться.

– А разве здесь кто-то против? Допиваем и – вперед, к новым свершениям. Только, чур, едем ко мне.

– Почему к тебе? У меня квартира больше.

– Я твою сестрицу... того... Опасаюсь... – честно признался Петрухин.

* * *

За остаток вечера и кусочек ночи партнеры прогнали через компьютер адреса двухсот четырех квартир из списка Купцова. Они отлично понимали, что информация из нелегальной базы данных неточна, изобилует массой ошибок, а некоторые данные просто устарели. Люди имеют неприятное свойство умирать, уезжать, жить без прописки. Дети убегают из дому, старики «теряются», мужчины уходят к любовницам, алкоголики и наркоманы исчезают без следа... К слову, довольно часто бывает так, что любящие родственники даже не заявляют об этом в милицию, а – вздохнувши с облегчением – продолжают радоваться празднику жизни. Бывает, что родственнички сами прикладывают руку к исчезновению бабушек-дедушек-супругов. За дверьми с рядом кнопок происходят тысячи больших и маленьких трагедий. Впрочем, за дверьми респектабельными, новорусскими, их происходит не меньше.

Богатые тоже плачут. Их плач заглушают стеклопакеты, но слезы солони так же, как и у бедняков. А в основании всех проблем лежат все те же – зависть, жадность и похоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.